

Александр Кваченюк-
Борецкий

Three stylized cartoon dolphins, colored in shades of blue and white, are positioned in the palm of a human hand. The dolphins are arranged in a cluster, with one in the foreground and two behind it. The hand is open, and the background is dark, making the hand and dolphins stand out.

ТРИ КИТА

Шахтерский
роман

Александр Кваченюк-Борецкий
Три кита. Шахтерский роман

«Издательские решения»

Кваченюк-Борецкий А.

Три кита. Шахтерский роман / А. Кваченюк-Борецкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744705-2

Главный герой романа «Три кита» — горняк Гавриил Михайлович Грохов. Человек непростой судьбы, фанат своего дела, он находит свое счастье в работе. Однако личная жизнь у него не складывается. В самый неподходящий момент рушится его семья. И тогда, когда, казалось бы, в личном плане ждать ему уже нечего, к Грохову приходит настоящее большое чувство...

ISBN 978-5-44-744705-2

© Кваченюк-Борецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
1	8
2	9
3	11
4	14
5	15
6	16
7	20
8	26
9	28
10	30
11	32
12	35
13	36
14	38
15	40
16	43
17	47
18	49
19	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Три кита
Шахтерский роман
Александр Кваченюк-Борецкий

© Александр Кваченюк-Борецкий, 2016

ISBN 978-5-4474-4705-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Людям одной из самых мужественных профессий на земле посвящается...

Пытаясь протолкнуть в одно из московских издательств свое очередное творенье, я получил вполне конкретный ответ от редактора. Мол, в данный момент нас не интересует работы подобного жанра и в подобном объеме. Нет ли у вас романа на шахтерскую тему? Если да, то пришлите синопсис.

Предложение оказалось хоть и неожиданным, но имеющим под собой вполне определенную перспективу для издания. Конечно же, никакого шахтерского романа на тот момент в ящике письменного стола я не припас. Более того, никогда даже не думал, что меня однажды хоть каким-нибудь боком угораздит протиснуться в тесные лабиринты, как мне тогда казалось, столь неблагодарной темы. Безусловно, своим героическим трудом горняки до самых последних дней, пока существует и будет существовать эта отрасль, заслужили самых добрых слов в свой адрес. Уже немало написано и пишется о горняцких подвигах. Увы, не всегда настолько талантливо, насколько этого хотелось бы читателям и, прежде всего, тем, кто каждый день, рискуя собой, спускается под землю. Из шедевров искусства в первую очередь вспоминается фильм «Большая жизнь»... А большие... Пожалуй, большие ничего особенно лично я не припомню. Ведь, одно дело писать о любви, детективы и т. д. Вон одна известная писательница на них карьеру сделала. Другое – о шахтерском труде и о жизни шахтеров. Во-первых, ответственно. Во-вторых, рискованно, поскольку незаметно для себя можно скатиться до заурядного статиста. И вместо художественной книги изваять скучную и неформатную беллетристику. Нечто на подобие довольно подробной и последовательной констатации фактов о нелегком поприще горняков и их житье-бытье. Кроме того, такого жанра, как шахтерский роман, в художественной литературе просто не существует. Есть различного рода издательские проекты, как, например, профроман, то есть, роман о профессиях. Но на этом все и заканчивается. Другое дело, что писатель должен сам выбрать один из вполне определенных литературных форматов, в рамки которого он определит создаваемый им шедевр. Если же он не вполне владеет ими, то, лучше всего, вообще пренебречь этим... Лишь бы книга получилась интересной и полюбилась читателю. Например, известный американский писатель и критик Вильям Дин Хоуэллс работая за пределами всякого рода жанров, создал свой собственный под названием мэйнстрим. Ныне это один из самых популярных современных способов удерживать внимание читателя на протяжении всей книги. От корки до корки. В конце концов, жанры появляются все новые и новые. Они растут на литературной стезе, как грибы после дождя. Мэйнстрим, авангард, фэнтэзи, роман с приостановками... И сорвать гриб удобоваримый важно для того, чтобы не испортить блюдо. Способ приготовления – это уже метод, при помощи которого писатель преодолевает сопротивление материала. Ему важно, чтобы то, что возникло у него в воображении и, что, при помощи письма, он закрепил на бумаге, прежде всего, нравилось ему самому.

Кому интересно, могу сказать, что вот тут-то меня и ждал самый настоящий сюрприз! С самых первых строк я почувствовал не сопротивление, а, скорее, большую податливость материала. Словно завзятый ваятель я, не уставая, лепил комические и трагические, рельефные фигурки моих персонажей. И, как я полагал, они вполне удавались. Книга писалась и писалась, как будто бы была уже написана до меня. А мне оставалось лишь при помощи компьютера и клавиатуры поместить это в файлы. Казалось, что и придумать ничего не нужно было. Ведь, я писал о вполне реальных людях, возникших перед моим мысленным взором, и уверенно шагнувших в мир, который постепенно возникал на страницах моего романа,

из не столь давнего прошлого. Ощущение было такое, словно те, о ком так легко и стремительно складывались мои строки, невольно помогали мне в этом. Мне даже подумалось, что они хотели и очень даже хотели, чтобы я непременно рассказал о них. Точнее, о нас. Так как, прошлое, равно, как и настоящее, которому мы принадлежим, это – единое временное пространство, в котором портреты вымышленных и настоящих героев увековечены навсегда...

1

– Правы были древние, когда говорили, что Земля держится на трех китах, которые плавают по бескрайнему океану, – сказал горняк Грохов и, аккуратно размяв загрубевшими пальцами сигаретку, закурил. – Вот и я полагаю, что, когда почва под ногами – твердая, и человек уверенно шагает по ней навстречу своей мечте, тогда он по-настоящему счастлив. Ведь он знает, что его три кита – любовь к родимому краю, где прошло его детство, где он вырос и возмужал, любовь к избранной профессии и любовь к женщине, без которой жизнь ему – не в радость, всегда на плаву. Но я думаю, что всякое чувство должно быть взаимным, иначе оно не имеет права на существование... А вы, как считаете, верно я рассуждаю или нет?..

2

Горняки спускались в клетки¹ под землю, и она сотрясалась от их хохота. Рассказчик, сдвинув каску на затылок, небрежно продолжал.

– Так вот, ждем-пождем... Нет взрывника! Причиндалы свои оставил в забое, сам смотался куда-то... А время идет. Дело стоит. Разозлились мы не на шутку, ну и отвалили наших гостинцев взрывнику этому... Прямо – в глину, чтобы замес для шпура² какой надо получился! С начинкой...

– Хо-хо!..А он?..

– Что – он!.. Прибежал впопыхах. Хватъ рукой за глину! «Скоты! – говорит. – Дерьмо, я ваше еще не нюхал!..» А мы, мол, ну, вот считай, что твоя заветная мечта сбылась! Счастливый человек! А – он: «Желаю, чтоб в один прекрасный день и вам столько же счастья привалило!»

Горняки в который раз дружно загоготали.

– Да, ты, командир, не серчай, что мы при тебе секретами своего успеха с другими пацанами делимся. Ветераны должны молодым опыт передавать! – с неправдоподобно серьезным выражением на лице, заметил виновник веселья.

Фамилия его была Ляхов. После девятимесячного загула это была его третья по счету упряжка. Грохов прекрасно знал об этом, но, когда несколько дней назад Ляхов появился на смене, сделал вид, что все – в порядке. Как будто бы этот, вообще-то классный забойщик, но неисправимый пьяница, до своего чудесного появления на участке также добросовестно, как и все, вкалывал, а не квасил беспробудно, не выходя из дому. «Вот, гад такой!» – про себя подумал тогда Грохов, а вслух сказал. Точнее, спросил:

– Ты, Вова, на работу вышел?

– Ага! – с немного нахальной усмешкой, мол, все – ему нипочем, коротко ответил Ляхов, озираясь на своих товарищей.

Наперед, наверное, знал, что Грохов взашей не вытурит его с участка. С кадрами на шахте всегда была проблема.

– Там, как – на улице, Вова? Метет? А то я уже третьи сутки с шахты – ни ногой!

– Какое там метет, Михалыч! Так, чуток задувает за воротник...

– А за твой?.. За твой не задуло?

– Так, у меня ж пальто без воротника, Михалыч!

– А че – так? Не разжился пока на воротник каракулевый?

– Да, нет, был у меня воротник писцовый. Так мент, когда в кэпэзуху волочил, оторвал, черт безродный.

– А, вернуть забыл?

– Не забыл, а за постой взял!.. Такса у него – такая!

– И правильно сделал!

– Конечно, правильно. Я ведь ему под глаз еще светильник на манер шахтерского оформил. Бесплатно! В придачу к воротнику.

– Вроде, как премиальные, что ли, выписал?

– Ну, да!

---

¹ Клеть шахтная – транспортная кабина, предназначенная для подъема по шахтному стволу (наклонному или вертикальному) вагонеток с полезным ископаемым (породой) или спуска-подъема людей, оборудования и др.

² Шпур – искусственное цилиндрическое углубление в твердой среде (горной породе, бетоне) диаметром до 75 мм и глубиной до 5 м. Создаются и применяются для размещения зарядов при взрывных работах, для установки анкерной крепи, нагнетания воды или цемента в окружающий массив горных пород и т. п.

Так было всегда. Едва на участке появлялся Ляхов, и смеху было и слез, хоть отбавляй. Наверное, актерский талант пропадал в нем, в шахтерике этом. Мужики и ржали от души, и в глазах их читалось сочувствие к Воле. А в конце своего своеобразного словесного поединка с Ляховым, за которым внимательно следили иногда с десяток, а то и больше людей, Грохов заканчивал обычно каким-нибудь назиданием. Начальник, все-таки! Марку-то надо было держать. Не обошлось без этого и теперь.

– Так, что, ты новый воротник, Вова, не торопись покупать. Чтоб задувать.... Точнее, заливать было некуда. Без воротника-то походишь и, глядишь, трезвым человеком станешь...

– Не стану, Михалыч!

– Богатый – сильно, что ли? Воротниками-то разбрасываться?

– Да, я уже и в ЛТП, и у нарколога пытался психику свою восстанавливать. Ни черта из этого не выходит. Видно, Змей этот Зеленый не в бутылке, а в душе моей сидит. Вот, как получку получу, если в кураж не ударюсь, тогда, словно и на свете я не жил! Я ж, не раб, Михалыч. Мне тоже свет в конце тоннеля увидеть хочется!..

– Это еще каких тебе Свет хочется? Не лифтерша ли наша – одна из них?..

– А еще в ламповой³ Светка работает! – подсказал кто-то из горняков. – Лях как-то ей говорит, мол, Свет, давай после смены зажжем от керосиновой лампы, как раньше! А она – в ответ: «Ты бы, Вова, сперва малость дрова подсушил... А то у меня после твоего мангала с хот-догами и индейской пляской вокруг ночного костерка из ушей парит! Как у чайника, все внутри закипает! Свистнуть хочется!..» А он, так, дескать, и так. Главное, чтоб, когда свистеть будешь, слюной не брызгала!

---

³ Ламповая шахтная – помещение на поверхности шахты (рудника) для хранения, зарядки и ремонта светильников рудничных.

3

У Грохова было счастливое детство. А возможно, ему, лишь, так казалось? Лет до четырнадцати отроду, он все больше проживал у бабы Зоси. Бытовала она в двухэтажном казенном доме из рубленых бревен. Со временем бревна, хоть и оставались крепки, как и прежде, но потемнели, и казались, словно выкрашенными в черный цвет. В доме было два подъезда. На лестничных площадках располагались по две квартиры на двух хозяев – каждая. У бабы Зоси была всего одна комнатенка, в которой она ютилась с дедом Гошей. Да, еще маленький Гаврил путался у них под ногами. Зато соседи занимали две комнаты. Кухней соседствующие семьи пользовались совместно. Общими умывальником с туалетом – поочередно. Но имелись и исключения из этого для тогдашнего времени правила. На втором этаже в противоположном жилом отсеке квартировался Малахей Сухнин. Он был знатным горняком. Причем, одним из первых в городе. Поэтому ему была такая честь. Всю квартиру вместе со своей семьей он занимал полностью. Самому Малахею, седовласому старику, тогда уже мало, что нужно было. Как говорят, пожил свое. Грохов до сих пор отчетливо помнил его серые колючие, как две занозы глаза, сурово взиравшие из под мохнатых и оже седых бровей. Нос у Малахея напоминал картофелину средней величины. Но больше всего Гаврила впечатляла его грудь, увешанная бесчисленным количеством фронтовых и медалей трудовой славы. Каждый раз в День Победы и на День Шахтера он появлялся при полном параде, и тогда все соседи двухэтажного барака с нескрываемым восхищением и жгучим любопытством глазели на него в окна. На лицах их вместе с гордостью за славного соседа, словно, читался немой вопрос: осилит ли Малахей Сухнин такое количество металла на своей груди? Не согнет ли под их тяжестью? Но Сухнин, словно подозревая, о чем думают соседи, лишь презрительно фыркнул губами.

Иные из соседей выходили на крыльцо, чтобы лично поздравить Малахея с большим праздником и поднести рюмочку, другую. А, стало быть, и самим за былые и настоящие доблести своей Большой и Малой Отчизны порадоваться. Знали, что славный горняк выпить был не дурак, хотя и в стельку пьяным никогда и никто его не видел. Махнув стопарь, другой для бодрости духа Сухнин отправлялся на празднество, которое проходило на Главной площади города. Там, напротив памятника Ленину, располагалась трибуна. Словно мощный речной поток вдоль высокого берега, люди колоннами дружно курсировали мимо нее. С трибуны слышались поздравительные речи. Гремел оркестр.

После всего этого Сухнин, зачастую сопровождаемый сыном Иваном, тоже – горняком, а, подчас, его супругой Марусей и внучкой Офелией, возвращались домой. Во дворе шумной гурьбой их встречали соседи. Они, как видно, зря времени не теряли, и уже были слегка навеселе. И пока Маруся вместе с Офелией отправлялись готовить салаты и горячие блюда для своих героев и гостей, Сухнин и его сын важно усаживались на одну из скамеек, располагавшихся вокруг стола под сенью могучих тополей с раскидистыми ветвями, которые в летнюю жару давали прохладную и потому столь желанную тень. Осенью же заслоняли от дождя. Кто-то доставал непечатую бутылку водки. Тут же находились стограммовые граненые стаканчики. Слышалось, как при чоканье они глухо позвякивали. В раскрытое окно второго этажа появлялось недовольное лицо Маруси.

– Эй, Иван!

– Ну, чево – тебе! – досадливо восклицал Иван Сухнин, утирая влажный рот рукой.

– Смотри, особо не увлекайся! Неужели потерпеть нельзя, пока закусь готова не будет!

– А а а! – отмахивался Иван рукой от жены, словно от надоедливой мухи.

– Да, нормально все, Маруся! – кричали соседи. – Праздник, все ж таки, а не будни какие!

Да и закусь у нас тоже имеется! Вот...

И они тыкали пальцами на аккуратно расстеленную на столе газетенку, на которой горсткой лежали малосольные огурцы, свежий лук, помидоры, ломтики хлеба.

Подле взрослых, веселившихся прямо во дворе, крутилась детвора. Мальцы, то тянули ручонки к столу, чтобы выклянчить кусочек хлеба, огурчик или помидор, не потому, что были голодные, а чтобы, глядя на взрослых, поучаствовать в пиршестве вместе с ними, то принимались за свои детские забавы вновь. Но игры у них не особенно получались, так как взрослые о чем-то чересчур громко беседовали, потом еще громче смеялись, спорили. И, тогда ребятня снова приближалась к столу и с любопытством наблюдала за взрослыми. Но те, занятые разговором, казалось, не обращали на озорников совершенно никакого внимания.

– А скажи, Малохей Иваныч, где ты наград боле схватил, на хронте или когда уголек лопатил? – с серьезным видом интересовалась соседка Груня.

Это была очень крепкая довольно упитанная пожилая женщина, которая до пенсии также немало потрудилась на благо Отчизны лопатой и киркой, и вместо тягловой лошади. Однако, наград не имела и жила одна без мужа и детей. Словно у нее их никогда и не было.

– А ты сама посчитай, коли в этом разбираешься! – важно отвечал Сухнин, бережно касаясь рукой медалей.

– Не... Еще без одной рюмки я никак не разберусь! – отвечала Груня. – А то, может, и – без двух!

– Чего врешь! – хитро щерился Иван Сухнин. – Без двух...

Внешне он мало чем походил на своего доблестного родителя. Во-первых, почти на голову был выше ростом. К тому же, немного сухощав. С лица у него почти никогда не сходила плутоватая улыбка. Вместе с тем, в ней было что-то подкупающее. Это и настораживало, и бесконечно располагало окружающих к Ивану.

– Ну, без трех! – уперев огромные ручища в распухшие бока, не сдавалась боевая Груня.

– Без четырех...

– Без пяти...

– Да, разевай свой балабольник слюнявый пошире, я тебе в него всю полулитру отожду!

Закрыв глаза, Груня и впрямь раскрыла рот. Этого Иван никак не ожидал. Но не в его характере было отказываться от своих слов. Прямо из-под лавки он выхватил еще непочатую бутылку с водкой.

– Эй, Иван, ты, что с ума спятил! Пол-литра-то – последняя! И вся Груне достанется... Да и не она за ней в магазин бегала... – всерьез загоношились собутельники.

Только мысль о том, что компания останется без выпивки, остановила Ивана. Бутылка с этикеткой «Столичная», зажатая в его пятерне, замерла в воздухе. Груня еще какое-то время так и сидела с закрытыми глазами и раскрытым ртом, словно и впрямь до последнего надеялась, что Сухнин непременно сделает, что намеревался. Компания притихла, в тревоге глядя на Груню, как будто бы до боли в сердце опасалась, что бутылка сама по себе вдруг возьмет и, ни у кого не спросив, выскользнет из Ивановой клешни и выльется ей прямо в рот.

– Закрой скворечню, Груня! – не выдержав, громко и отчетливо произнес Иван. – А то воробей залетит...

Соседи дружно и пьяно расхохотались.

– Так, как раз – на закуску!

И Груня ловко выхватила пол-литру из рук Ивана. Скотившись со лба, капля пота с точностью приземлилась в его пустой граненый стаканчик.

– Вот – зараза! Хваткая...

Сухнин даже немного опешил.

– Ну, все! Домой! – зашипела Маруся прямо в ухо своему суженому, возникнув подле него точно из-под земли.

Только теперь, обнаружив присутствие жены, Иван как-то сразу обмяк.

– А дома-то, есть чо выпить?..

– А то ты не знал! Мало, что ли, тебе здесь досталось?

– Так, Груня все оприходовала... Почти – все!

– Вот – брехло! – вскипела Груня.

И, никого не дожидаясь, она наполнила зельем граненый стаканчик.

– Семь наград у тебя, Малохей, хронтовых и столько же – трудовых! Значит, воевал ты под землей так же справно, как и на хронте...

Но Маруся, круто повернувшись к соседям спиной, и, крепко держа под руки слегка пошатывающихся при ходьбе мужа и свекра, насколько это было возможно, уже торопилась вместе с ними домой.

4

Грохов крепко знал дело, которому посвятил свою жизнь. Но, как оказалось, этого было мало! Главная черта его характера проявлялась в том, что он уважал и ценил людей. Он не считал их за расходный материал, как некоторые. Насчет «некоторых» он сделал свой вывод, поскольку тот напрашивался сам собой. Но не сразу.

Это началось примерно полгода тому назад, а то и более того, когда рулить шахтой пришел новый директор и собственник шахты в одном лице. Звали его Никанор Гомерович Тумский. Выглядел он лет на полста. Высокий статный крутолобый. Лицо его можно было бы назвать красивым, если бы не чересчур пристальный взгляд темно-карих глаз. Было в нем что-то неприятное и даже отталкивающее. Тумский, взирал на объект своего внимания так, словно пытался забраться в его черепную коробку и прочесть чужие мысли. Возможно, делал он это не нарочно. Как бы то ни было, это портило все впечатление от общения с Тумским.

В тот день Никанор Гомерович неожиданно заявился на наряд к Грохову. Шагнув через порог участка, он без всяких церемоний, по-хозяйски важно протянул руку Гаврилу Михайловичу.

– Здравствуйте!

Но Грохов, занятый своим делом, далеко не сразу заметил, а, может быть, не хотел замечать того, кто вошел к нему без спросу. Неожиданно опередив Грохова, Ляхов вскочил со стула и нахально всучил Тумскому свою мозолистую клешню.

– Здравствуйте! А вы – кто?

Послышались смешки.

– Я – ваш новый директор!

– Ой!

От неожиданности Ляхов, аж, подпрыгнул на месте. Мгновенно ретировавшись, он тотчас уселся на прежнее место, и тупо уставился в пол. При этом вид у него был такой расстроенный, точно он, и впрямь, был горем горьким наповал убит. Того гляди, слезы крокодила лить начнет!.. Товарищи, наблюдая за Ляховым, едва сдерживались, чтобы снова не загыкать.

– Радужный прием, нечего сказать! Хорошо, хоть хлебом-солью не встретили да стаканчик не поднесли. Правильно говорят, на работу, как – на праздник!

Тумский невольно нахмурил брови. Однако, встав из-за стола, Грохов хотя и с запозданием, но уже протягивал Никанору Гомеровичу свою ладонь.

– Нет, уж, довольно – этого цирка! Меня сюда не клоуном назначили, а, несколько, для иных целей. Зайдите ко мне после наряда, господин начальник участка! Разговор у нас серьезный будет...

И Тумский исчез за дверью также внезапно, как и вошел в нее.

5

Около года назад Грохов навсегда расстался с женой. Он полагал, что в его жизни наступила черная полоса. Но, так ли это было на самом деле? Разве, то, как он жил прежде, являлось абсолютно чистым и безоблачным? Гаврил Михайлович имел за плечами уже полтора десятка лет горняцкого стажа, но за столь продолжительный отрезок времени он разжился лишь однокомнатной квартирой, которая досталась ему после размена четырехкомнатной на две равноценные друг другу жилплощади с доплатой. Вторая, конечно же, теперь являлась собственностью его бывшей супруги Алены. Любил ли он ее когда-нибудь по-настоящему? На это Грохов не мог с точностью ответить ни «да», ни «нет». Впервые встретились они, когда учились в институте. Он – на горном факультете, она – на экономическом. Вот, как он думал, откуда у нее привилась нездоровая любовь к деньгам. Ему порой казалось, что нужен он ей лишь для того, чтобы вкалывать и денно, и ночью и приносить всю до копейки зарплату домой. Но это позднее он окончательно раскусил Алену. А вначале все было, как будто бы, совсем неплохо. Институт, где учились Гаврил и Алена, располагался в соседнем городе. Каждый день, трясясь в электричке, чтобы утром вовремя прибыть на занятия, а после них поспеть к ужину домой, они неожиданно для себя познакомились. После чего это знакомство как-то само по себе переросло в нечто большее. Вместе с ними, конечно же, ездили и другие институтские ребята, но они были им не помеха. Алена первая под села к Гаврилу, который расположился на скамье возле окна.

– Вы – не против? – спросила она.

Гаврил отрицательно мотнул головой. Он был не то, чтобы застенчив, но с девушками чувствовал себя немного скованно.

– Что, так и будем всю дорогу молчать? – как бы, между прочим, вдруг поинтересовалась она.

– Молчать? – удивился он.

– Ну, да?

– Можно и поговорить! Вот только – о чем?

Такая напористость со стороны, пока что, так мало знакомой девушки не столько обескуражила Гаврила, сколько приятно удивила. Чем – это, он так привлек ее внимание? Большинство девчонок, его сверстниц, которых он знал, никогда не проявляли к нему столь повышенного интереса.

– Я – Алена! – представилась она и снова первая протянула руку.

– Гаврил! – негромко сказал он, и легонько сжал немного влажную ладонь.

Кожа ладони показалась ему такой нежной и эластичной, что от ее прикосновения легкая и ошеломляюще приятная дрожь пробежала по его спине.

Как оказалось, Гаврил и Алена жили на соседних улицах родного города, но до поступления в институт даже не подозревали о существовании друг друга. В тот вечер на прощание они обменялись адресами и телефонами и даже договорились как-нибудь встретиться и сходить в кино. Потом они ездили вместе почти каждый день. Их объединяло еще и то, что они оба учились уже на пятом курсе. Так продолжалось до окончания института. А, однажды, Алена пригласила Гаврила к себе в гости. Он пришел и принес букет великолепных бордовых роз. Дома они были, конечно же, одни, поскольку родители Алены, как она сказала, в тот вечер чествовали юбиляршу, сослуживицу мамы. Юбилей проходил в одном из кафе города. И тогда впервые случилось это. То, что всегда рано или поздно происходит с двумя молодыми, жаждущими близости, людьми.

Потом они выпили красного вина и, заранее зная ответ, Алена все-таки спросила:

– Ты женишься на мне?

6

Грохов вошел в приемную.

– У себя?

Секретарша сдержанно кивнула, и Грохов, потянув за ручку двери, оказался в кабинете у директора. Тумский сидел за столом и что-то писал. Тем не менее, при появлении Грохова он отложил свои занятия и жестом указал на один из свободных стульев. Сев, Гаврил Михайлович зачем-то огляделся кругом. В кабинете, где он бывал тысячу или, более того, раз, все, пока что, оставалось по-прежнему. Темно-лиловые давно некрашенные стены невесело смотрели на него со всех сторон. Словно спрашивали: «Что, брат, и тебе, так же как и нам, не сладко приходится?» Грохов подумал о том, что несвежий линолеум тоже неплохо было бы заменить. Над столом директора висел портрет президента... И, все ж таки, не его всепонимающий и целеустремленный в будущее взгляд заставил почувствовать Грохова едва уловимую перемену, что витала в воздухе директорского кабинета.

– Ничего все наладится, – сказал Тумский так, словно прочитал его мысли.

На лице Грохова мелькнуло удивление. Медленно втянув воздух ноздрями, лишь теперь он ощутил очень приятный аромат мужского дезодоранта, каким, по-видимому, пользовался Никанор Гомерович.

– Мне, наверное, не стоит вам объяснять, почему вы – здесь?

– Извините, в тот раз все как-то нехорошо получилось...

– Ерунда!

– Шахтер этот ваш, как его?..

– Ляхов!

– ... Показался мне симпатичным малым. Побольше – таких, и шахта б в гору пошла...

– У него, Ляхова этого, как – с дисциплиной? Обычно, такие люди плохо поддаются общепринятым нормам поведения. В быту и... На производстве. Если же, конечно, не стимулировать их труд...

Снова удивившись проникательности нового директора, Грохов улыбнулся.

– Я вот смотрю, прогульщиков у вас, на шестом, не меньше, чем на других участках, а с планом, в отличие от них, вы всегда справляетесь! Как это у вас так ловко получается? Объясните мне! Честно говоря, углем я занимаюсь не так давно, и не мешало б мне кое-какого опыта поднабраться...

Грохов спокойно выдержал взгляд Тумского, от которого, как он уже, по крайней мере, дважды, убедился в этом, трудно было что-либо утаить.

– Я просто люблю свою работу. Уважаю и принимаю людей со всеми их достоинствами и недостатками. И... Стараюсь, чтобы они получали по труду.

– Ах, вот – как, значит?! По труду!

В голосе Никанора Гомеровича послышалось легкое сомнение.

– А почему из месяца в месяц и из года в год вам утверждают план, как правило, процентов на десять ниже, чем на некоторых других участках?

«И – вправду, дилетант!» – решил про себя Грохов. Прежний директор никогда бы не позволил себе устраивать ему выволочку подобным способом. Во-первых, Горшков доверял его знаниям и опыту. Потому и поручал обрабатывать пласты с запредельным углом падения. Во-вторых, если бы Петр Кузьмич и задался такой целью, то нашел бы для этого более весомую причину. Схватиться с Гроховым на его территории, для человека несведущего являлось делом безнадежным. Невольно сравнивая прежнего директора с тем, что восседал теперь на его месте, Гаврил Михайлович в досаде прикусил губу. Горшков хоть и не распространял вокруг себя

такой приятный запах, был с виду мешковат, а в обращении прямолинеен и груб, зато за шахту болел душой. А этот...

Выйдя от Тумского, Грохов направился на участок.

Свой самый первый день в шахте Гаврил Михайлович запомнил на всю жизнь. Запомнил не потому, что хотел этого. Скорее, наоборот. Ведь, во всем, что случилось тогда, наверно, отчасти был повинен и он сам...

– Справишься? – спросил Поддонов, строго и требовательно глядя на него.

Как Грохов мог ответить «нет»? Дело в том, что мастер участка в тот день не вышел на смену, внезапно захворав. И Гаврилу в первый же наряд пришлось его заменить. Шахтеры с добродушной улыбкой подбадривали новичка.

– Да, справится, начальник! Институт, как никак, закончил...

Но, похоже, Поддонов больше переживал не за то, что бригадир Дилан, и его орлы не совладают с какой-нибудь проблемой. Мужикам не нужен был надсмотрщик. Они и сами всю свою работу назубок знали. По крайней мере, не хуже того, кто им ее поручил. И, вообще, таким палец в рот не клади всю руку оттяпают. Семь потов прольют, а сколько нужно угля отгрузят. Нет, Поддонов, конечно же, боялся за Грохова. Как бы то ни было, тот в первый раз под землю спускался.

– Не бойсь, Горыч! Мы за парнем присмотрим...

За то, что мужики про меж собой окрестили Романа Егоровича «Горычем», он к ним претензий не имел. Честно сказать, ему это даже немного льстило. Знал даже, что за глаза, то ли в шутку, то ли всерьез, его также называли «Горынычем». Но не потому, что он был чересчур суров с подчиненными и требователен к ним. Просто мужики верили в его опыт и мудрость. Уважали за силу характера, заботу о людях. Поддонов был в авторитете у угольщиков. И своих ребят никогда в обиду не давал. Коли заслужили, так – на тебе, получай под завязку. А провинились, не обессудь. Крепко рублем наказывал. Но человек – не бог. И Поддонов не претендовал на его роль. Хотя под землей, все – по-другому, чем на поверхности. Там иногда предупредить напасть или, на худой конец, вовремя протянуть руку помощи, дорогого стоит! Это все равно, что, помимо всего прочего, ангелом-хранителем на шахте по-совместительству промышленять или с Чертякой Хвостовичем по соседству с его адовым пеклом закуток за отдельную плату снимать. Если за стенкой – тишь да гладь, значит, все – в ажуре. Беспокоиться не о чем! А если шебуршанье какое, свистопляс с вывертами наизнанку или еще чего похуже, тогда ухо в остро надо держать, а то, пиши пропало!

Но в тот день, как назло, и впрямь, все складывалось не особенно неудачно. То ли, пес его задери, нечестивый вмешался в промыслы небес, то ли сами люди чересчур уверовали в себя. Катька десятница⁴, едва из обрезного⁵ в темень забоя юркнула, кусок породы ей под ноги попался. Она и кувыркнулась через него. По наклонной аж до промштрека кубарем летела. Забойщики стремглав к ней бросились. На ноги подняли. А та – ни жива, ни мертва. А – потом, взяла да расплакалась, как маленькая дурочка. Горнякам – за работу пора, некогда с ней нянчиться... Так, нет! Дилан давай ее успокаивать:

– Кать, брось хныкать! Ты ж – горняк, а не фифа какая, сопливая, которая только по ресторанам и может шастать! Да, сигарки одну за другой от нечего делать палить...

– Да, она, девчонка – бывалая! Вишь, носом весь забой перепыхала, и – хоть бы хны: ни одной царапины! – неудачно сострил один из напарников Дилана.

– Кать, ты не забудь, что мне обещала!

---

⁴ Десятник (ица) – горный мастер участка вентиляции и техники безопасности.

⁵ Обрезной (вентиляционный) штрек. Штрек – подземная горная выработка, пройденная в горизонтальной плоскости или с небольшим уклоном параллельно линии простирания пласта, не имеющая непосредственного выхода на поверхность, служащая для проветривания и транспорта. Различают полевой (пройденный по вмещающим породам), обрезной (вентиляционный), конвейерный, основной, промежуточный, откаточный, параллельный, групповой штреки.

Десятница, вдруг прекратив лить крокодильи слезы, с удивлением посмотрела на молодого ладного паренька, который, слегка сдвинув каску на лоб, с озорством пялил на нее свои бесстыжие глазенки.

– Я обещала?..

– Ну, да! Ты!

– Да, я тебя в первый раз вижу!

– А, разве, мы не с тобой в прошлый раз в тусилове шампанское мороженым закусывали. А, потом в твоём подъезде допоздна обжимались? Ну, ты, я тебе скажу, хороша штучка!

– Вот – брехло! – позабыв про боль в ушибленных локтях и коленях, возмутилась Катька. – Да, ты чо мне здесь по ушам смычком от скрипки елозишь!..

– Да, пошутил я, пошутил! – видя, что десятница, наконец, начала понемногу приходить в себя, признался шахтерик. – А то, может, и вправду на свиданку как-нибудь сходим...

– Пошел ты! – и впрямь рассердилась Катька.

Спохватившись, она поправила съехавшую на бок «канарейку»⁶ Прибор, по-прежнему, висел на ремне перекинутом через ее плечо. Нажала кнопку, чтобы загорелся индикатор и «птичка» характерно свистнула, показав, что в забое была допустимая норма метана. Но, увы, сладко-певчая не подавала признаков жизни. Видимо, при падении десятницы прибору тоже крепко досталось на орехе...

– Ладно, Кать! – тоном, не терпящим возражений, произнес Дилан. – Ты иди своей дорогой!.. Отметь там у себя, что у нас, тут, все – в норме... А нам шпурь бурить пора. Взрывники, сукины дети, вот-вот нагрянут. Сама понимаешь, время – деньги!

– Но...

– Чо – но? Видишь, твой инструмент не фурычит! Ты нам план сорвешь! Ступай, говорю. Когда, слегка прихрамывая, десятница, наконец, покинула забой. Дилан огляделся кругом.

– А, где – наш мастеровой?

– Эй, мастерила! – кликнул самый молодой из забойщиков, тот, что так неумело и не вовремя пытался закадрить Катерину.

В это время на входе в забой замаячил еще один шахтовый фонарик.

– Да, я – здесь! – едва отдыхаясь, ответил Грохов.

– Лесогоны привет передавали?

– Да, все в порядке! Лес на подходе...

– Тогда, дуй по ходку⁷ на нижний горизонт! Скажешь там, чтобы порожняк приготовили. Скоро уголь сыпать начнем. Да, пусть груз, как следует, считают. За недочет башку им оторву...

Молоденький забойщик провел Грохова в самый конец промштрека и, указав на узкое и темное отверстие рядом с жерлом углеспускной печи⁸, напутствовал:

– Чеши, парень! Да, не бойсь! Там, этот червячный лаз местами передавленный, так ты не обращай внимания. Я вдоль и поперек его исходил, так, как самый... Ответственный в бригаде. Теперь – твоя очередь...

Грохов не заставил себя долго ждать. Упершись руками в опалубку вокруг пугающей немотой и зияющей, точно прожорливая пасть неведомого чудовища, горловины, он тотчас юркнул в ходок. Но затем, словно передумав, вновь показался из лаза. Встретившись взглядом с пареньком, к которому непонятно отчего Гаврил внезапно почувствовал нечто похожее на какое-то особенное расположение, он кивнул ему на прощанье.

---

⁶ Канарейка. Здесь – это прибор для измерения концентрации газа метана. http://miningwiki.ru/wiki/Канарейка_в_шахте

⁷ Ходок – горная выработка, проводимая параллельно бремсбергу или уклону и служащая для передвижения людей и доставки грузов, проветривания и других целей. В зависимости от назначения ходки делят на людские и грузовые, реже – грузолюдские.

⁸ Печи – специальные шахтовые приспособления, предназначенные для спуска угля, называют углеспускными.

– Тебя, как кличут?

– Васьком!

– Ну, будь Васек! За порожняк не переживай! Наладим...

Легкая тень улыбки мелькнула на лице забойщика. Сердце Грохова ни с того, сего вдруг екнуло, словно от недоброго предчувствия.

7

Гаврилу было лет семь, когда он впервые поцеловал девчонку. Не по-настоящему, конечно. А, так, слегка ткнулся губами в ее пухлую щечку, сделавшись от смущения, точно рак вареный. Этой девчонкой была Офелия.

– Я, тебе – что, вправду нравлюсь? – задумчиво глядя на него, спросила она.

– Ага! – ответил он.

– Значит, я – красивая?

– Ты – самая красивая в нашем дворе!

– Фи, во дворе! Подумаешь, какая важность!

– Ну, не только в нашем дворе и в соседних – тоже.

– Фи, в соседних! Удивил!

Не зная как еще доказать Офелии свою симпатию, Гаврил растерянно умолк.

– Не огорчайся! Все равно, у нас с тобой ничего не может быть по-настоящему, – рассудительно заявила она.

– Это – почему же? – поинтересовался он.

– У меня дедушка – знатный шахтер! А у тебя предки – кто? Гаврил, вздохнув, пожал плечами.

– Вот, видишь! – обрадовано воскликнула Офелия. – Ты, если хочешь, можешь еще раз меня поцеловать. Но это ничего не меняет.

И она великодушно подставила Гаврилу свою пухленькую розовую щечку. Но он не воспользовался еще одной возможностью доказать своей оболъстительнице, насколько она не права в том, что совершенно не воспринимает его всерьез.

– Ну, как хочешь...

Больше Гаврил не делал попыток, хоть как-то, нарушить границы дозволенного в отношении Офелии. С тех пор общались они чисто по-товарищески. Иногда он приходил к ней домой, чтобы делать вместе уроки. Ему нравилось, что у Сухниных квартира была всегда чисто убранная. Обставленная добротной мебелью. У Офелии имелся прекрасный письменный стол из лакированного дерева, который вплотную был придвинут к окну и, потому, как бы являлся продолжением подоконника. По правую руку от стола стояла широкая кровать с пуховой периной, застеленная шелковым покрывалом. У покрывала были яркие красочные узоры. После того, как Гаврил и Офелия успешно справлялись с домашним заданием, ее мама, которая, по большей части, находилась дома, так как не работала, кормила их вкусным обедом.

– Приходи завтра Гаврюша! А то, Офелия опять будет спать допоздна, вместо того, чтобы пораньше приняться за уроки.

– Ладно, приду! – твердо обещал Гаврил.

В доме, где жили баба Зося с дедом Гошей, а с ними – Гаврил, сосуществовало по-соседству очень много детворы. Так, что, когда после занятий в школе вся она высыпала во двор, он буквально кипел и бурлил от шума, гама и неутомных забав ребятни.

– Давай, в догонялки! – как-то предложил Пашка.

Он был самым старшим среди местной детворы. Но разница в возрасте между ним и Гаврилом и Колькой составляла примерно около трех лет. А с погодками Валеркой и Витьком – два года и год, соответственно. Он верховодил дворовыми сорванцами, в шалостях которых также участвовали две девочки. Клара и Офелия. Более взрослая Клара всячески старалась опекать Офелию. Но той это не особенно нравилось, поскольку она имела гордый и независимый характер.

– Чур, не я голю! – первым поднял руку вверх Колька.

– Нет, так не годится! – возразил Валерка. – Вставай вокруг! Посчитаемся!

– Витька, считай! – хором закричала детвора.

– Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...

Голить выпало Пашке. Ребята разбежались в разные стороны. Пацаны бегали быстрее, и хитрый Пашка, выбрав себе наиболее слабую жертву, вначале погнался за Офелией. Та, завизжав, как сумасшедшая, изо всех сил пустилась наутек. Однако, быстро нагнав ее, он вдруг передумал и помчался вслед за Кларой. Из-под развевающегося подола коротенького девичьего платица было хорошо видно, что на ней надеты ярко красные в белый горошек трусики. Пашка никогда и ни от кого не скрывал, что ему очень нравилась Клара. У ней были каштановые падающие дождем на плечи волосы, кошачьи, зеленого цвета, глаза, слегка вздернутый носик. Кокетливое выражение никогда не сходило с ее лица. А стройные загорелые ноги являлись предметом восхищения всех дворовых мальчишек.

– Ай, ой, ай! – закричала Клара, когда, споткнувшись, Пашка нечаянно, а, может быть, нарочно, схватил рукой за самую важную часть ее белья и потянул вниз.

– Хо-хо-хо! – громко засмеялась ребятня.

А Клара, стыдливо закрыв лицо руками, сиганула напрямиком в подъезд. Подбородок тети Ваши, пожилой женщины, плохо говорившей по-русски и, сидя о дворе на лавочке, невольно наблюдавшей за проказами шкодников, аж затрясся от негодования. При этом чрезвычайно темная кожа на ее лице покрылась светлыми пятнами.

– Вот, я – вас, негодник!

Ваша яростно погрозила кулаком мальчишке.

– Как такой нада делать! Ух, быстыжий черт! Хады!

Однако, мальчишки не собирались незаслуженно выслушивать оскорбления от Ваши. Тем более, что к шалостям Пашки ребята не имели никакого отношения.

– У, хады! – стали передразнивать они Вашу, корча ей безобразные рожицы. – Быстыжий!

Но Ваша была женщиной ужасно вспыльчивой и к ребячьему озорству нетерпимой.

– Вот я тебе щас!

Поднявшись со скамейки, она с угрожающим видом направилась прямо к стайке ребятшек, хором дразнивших пожилую женщину и, как видно, находивших в этом немалое удовольствие. С криками: «Полундра!», они кинулись наутек, кто – куда.

Надо сказать, что Ваша своей резко отличавшейся от окружающих ее людей внешностью, необузданностью нрава и откровенным невежеством, до той степени, которую трудно определить, как и все, что находится за разумными пределами, напоминала известного сказочного персонажа, по прихоти которого избушка на куриных ногах поворачивалась, то к лесу – передом, то – наоборот. Тем не менее, никто не знал, владела ли Ваша, как и родственник ее облику литературный прототип, черной магией. Вероятно, пока все спали, душа ее, оторвавшись от тела, летала по небу на помеле или без него. А, возможно, и нет! Ведь, как ни крути, колдовство, если оно настоящее, всегда остается незримым для посторонних глаз. Для всех Ваша, прежде всего, оставалась беспросветно темной и одинокой женщиной. В отличие от Груни, которая имела веселый нрав и была остра на язык, к тому же, старательна и трудолюбива, Ваша всю жизнь мыла полы на шахте. Получала копейки и на них умела прожить, тратя понемногу каждый день, чтобы не остаться без куска хлеба до следующей зарплаты.

Помимо Груни и Ваши двухэтажный барак населяли еще две одинокие женщины. Мать и дочь. Они делили квадратные метры коммуналки с Груней. Обе ужасно полные и по этой причине получившие инвалидность, они денно и нощно торчали, то дома, то, сидя на лавочке под его окнами или в глубине двора. Лузгали семечки, судачили о том, сем. Наверно, такие женщины были необходимы другим людям и, конечно же, двору, где прошло детство Гаврилы. Они были глазами и ушами этого двора. Они вели догляд за детворой, и, в некотором роде, их пассивное участие в его жизни придавало ей своеобразную устойчивость и надежность. Так же, как

придает надежность и устойчивость всякому зданию крепкий фундамент. И, потому, порой, совершенно необдуманная попытка его расшатать, чтобы проверить на прочность, увы, не приводит ни к чему хорошему.

Помнится, в один из дней Ивана Купалы было очень жарко. Так жарко, что находится в деревянном бараке не хватало никаких сил. Ребяшня и взрослые дружно высыпали во двор. Первые – в легких одеждах, а, кто и – в одних шортах, сидели на скамейке в тени тополей. Вторые, как всегда, резвились, поливая друг дружку водой. Кто-то из взрослых, последовав примеру детворы, приволок из дому целое ведро со спасительной влагой и время от времени поливал ею голову из ковша. А то, зачерпнув в ладони, увлажнял лицо и шею. Погружал до локтей в емкость руки. Чтобы не было скучно, братья Чувашовы вынесли во двор баян. Младший играл и пел, а старший ему подпевал.

– Там, на шахте угольной, паренька приметили. Руку дружбы подали. Повели в забой...

По тому, как нестройно звучали голоса, и надрывался сверх меры баян, нетрудно было догадаться, что Чувашовы находились под хмельком. Известную песню они затянули тоже не случайно. Они ждали, что, заслышав ее, Иван Сухнин непременно выглянет в окно. А, затем и выйдет во двор. Ведь он частенько составлял Чувашовым компанию, когда дело касалось выпивки или игры в карты. А, иногда, и того, и другого. Порой они играли в лото. И редко – еще во что-либо иное, так как не умели или умели, но плохо. И то, в основном, когда на кону стояла полулитра.

Вскоре Сухнин и в самом деле появился во дворе. По пояс раздетый он был в трико и сандалиях.

– Чо воете, черти!

– А – что, не нравится? Плохо исполняем?

– Вот, певцы нашлись, мать вашу! В выходной поспать не дадут!

– Не уж-то наша колыбельная не по нраву пришлась, Иван?

– Да, от вашей колыбельной, у меня волосы не только на голове до сих пор дыбом стоят!

Разве, так надо петь?

Братья многозначительно переглянулись.

– Дай Ване микрофон! – тотчас распорядился старший Чувашов, обращаясь к младшему. – Пусть он нам аккорды правильно озвучит!

Младший из братьев тотчас достал из сумки предусмотрительно припрятанную под стол бутылку водки и наполнил из нее пустой стакан.

– На, Ваня! Исполни, чтоб на «бис» вызвали!

– Вот – балабол!

Сухнин не стал артачиться и выпил то, что ему причиталось. Знал, что Чувашовы не отстанут, пока он их хлеб-соль не отведаст. К тому же, к спиртному и сам был вовсе неравнодушен, и потому не мог отказать добрым людям в их настойчивой просьбе.

– Зря ты, Иван, на уловки Чувашей поддаешься! – встряла вдруг в мужской разговор соседка Нинка.

Незаметно очутившись возле теплой компании, она стрельнула в Сухнина невинными глазами.

– Маруська опять костерить тебя будет!

Нинка жила в левой половине барака на первом этаже, как раз под Чувашовыми. И хотя была за мужем, не скрывала, что Иван ей всегда нравился. Конечно, не до такой степени, чтобы в отношении него она лишнее что-нибудь себе позволила.

– От-от! – поддакнула ей Ваша, еще до прихода Чувашовых облюбовавшая себе местечко на скамье под тополями. – Дурак ты, Ванка! Родись дурак! Такой и всида!

Ваша не могла простить Сухнину, что при всяком удобном случае он подтрунивал над ней и ее невежеством. А, иногда выделявал с ней такие шуточки, что вгонял в краску. Напри-

мер, без стеснения и спросу пытался ухватить за давно обвисшие прелести или наотмашь хлопал по мягкому месту. Тогда Ваша свирепела и сама не своя кидалась на Ивана, как пантера, пытаясь исцарапать в кровь его лицо. Но Сухнин ловко избегал ее нападков, хотя и не всегда у него это получалось. Например, однажды во время его очередных грубых приставаний она вцепилась ему зубами в кончик носа и едва не откусила его.

– Будит знай, сука!

Ваша почти всегда правильно выговаривала только матерные слова, а все остальные безбожно коверкала. На этот раз в ответ на оскорбления Сухнин вдруг, протянув руку, сорвал с Вашей головы цветастый платок и, недолго мешкая, повязал себе на голову. Это вызвало кривые усмешки на лицах присутствовавших при этом соседей. Ваша вскочив со скамейки бросилась на Ивана, чтобы отнять у него платок.

– Дай, суда! Шайтан... Дрян такой!

Но Сухнин и не пытался сопротивляться. Глядя плутовски на Вашу, он, видимо, собирався отмочить еще какой-нибудь номер. Но Ваша, завладев платком, и не переставая матерно браниться, тотчас поспешила оставить теплую компанию, впопыхах заковыляв к подъезду. Наблюдая, как при ходьбе кривоногая бестия в годах неуклюже переваливалась с боку на бок, мужики громко смеялись ей вслед.

– Что, Ваня, повторим припев или с нового куплета начнем? – спросил Чувашов старший, когда, наконец, Ваша скрылась в подъезде барака?

– Девушки пригожие тихой песней встретили... – снова затянул под аккомпанемент гармони младший.

– Я думаю, с куплета!

Старший налил полный стакан. Выпив, они затянули песню уже втроем.

– И в забой отправился парень молодой!

Они пели так громко, что в распахнутое окно выглянула Груня, в другое – две ее соседки. Но, поскольку одна заслоняла другой вид на улицу, та, что помладше скоро вышла во двор и уселась на низенькой скамеечке под окном. Так они сидели, каждый на своем месте, луца семечки, и молча наблюдали за тем, что происходило перед их любопытными взорами.

– Вишь, как надрались! – вдруг сказала одна из женщин.

– А, эта-то курица, Нинка, что торчит подле них? – удивилась другая. – Чего ей надо?

– Наверно, тоже вместе с ними день Ивана Купалы отмечает!

Неожиданно Сухнин повернулся и схватил ведро с водой, стоявшее прямо за его спиной. Не говоря ни слова, он с головы до ног окатил из него сидевшую рядом с ним Нинку. Та завизжала, как будто ее резали, и вскочила со скамьи.

– Ванька, ты что, совсем спятил!

– Ха-ха, Нинка, ты знаешь, на кого похожа? – ржали Чувашовы.

Нинка и вправду, вся съежившись, со всколоченными волосами, поджав руки к груди, чем-то напоминала мокрую курицу, которая, лишь однажды в жизни расправив крылья и, для важности взмахнув ими пару раз, вдруг окончательно поняла, что ей никогда не удастся то, чего и не стоит пытаться делать.

Как бы то ни было, веселость собутыльников невольно передалась молодой женщине. У ней был жизнерадостный характер. К тому же, от Чувашовых и ей перепала рюмка, другая.

– Ах, так! Ну, я вам щас покажу! – рассмеялась она и, схватив пустое ведро, побежала домой.

Но едва Нинка показалась с емкостью, полной воды на крыльце барака, Чувашовы, подстерегавшие глупышку возле подъезда, напали на нее с двух сторон. Они выхватили у Нинки из рук ведро и по новой окатили ее.

– Ай, ай, ай! – завопила молодая женщина. Вот – сволочи! Так – нечестно, двое – против одной!

– Хо-хо-хо! – довольные собой мужики гоготали, как жеребцы.

– Ладно, Нинка, не переживай! Лучше пойдем за стол и кое-что обсудим. За одним по сто граммов пропустим! Это тебе будет, так сказать, в качестве компенсации за моральный и материальный ущерб! Вон, прическа у тебя теперь – никакая, и макияж вразмаху за буйки поплыл!.. Ха-ха!

Выпив, они недолго о чем-то шептались с Нинкой, убеждая ее в том, от чего она поначалу, как могла, отнекивалась. Но, в конце концов, согласно кивнув головой, снова взяла пустое ведро и направилась к подъезду. Минут через десять-двадцать с ведром, до краев наполненным водой, она опять появилась на крыльце. Оставив его там, она приблизилась к столу, где ее поджидали трое собутыльников.

Сухнин, встав со скамьи, подал знак Чувашовым, чтобы они следовали за ним. Вскоре все трое оказались подле крыльца, по ступенькам которого недавно сходила Нинка. Не долго думая, Иван взошел по ним. Сверху на него отбрасывал тень дощатый настил. Взобравшись на перила, Сухнин схватился обеими руками за деревянный карниз настила. Подтянувшись, он через минуту или две оказался поверх козырька над входом в подъезд двухэтажного барака.

– «Вируй» ведро! – негромко сказал Иван, обращаясь к Чувашовым.

Выполнив его команду, старший из братьев спустя какое-то время также оказался рядом с Сухниным. Дальше предстояло самое сложное. Иван должен был с козырька по стене барака влезть в раскрытое окно на втором этаже, где проживала Ваша, и, таким образом, очутиться в ее квартире. Разморенная июльским пеклом она, как раз, легла вздремнуть часок, другой. Для того, чтобы убедиться, что Ваша спит, Нинка загодя поднялась на второй этаж и неоднократно стучалась к ней в двери. Но ответа не последовало. Опираясь на полукруглые выступы крупных бревен в стене барака, Сухнин ко всеобщему восторгу, наконец, ступил ногой на карниз Вашего окна, а затем и подоконник. Взяв ведро с водой, Чувашов старший попытался передать его Ивану. Но это ему никак не удавалось, так как расстояние от карниза до раскрытого окна, через которое норовил проникнуть в квартиру Ваши Сухнин, было очень велико... Дело пошло на лад, когда младший Чувашов, исчезнув в подъезде, вдруг показался из него с бельевой веревкой в руках. Привязав один ее конец к ручке ведра, старший Чувашов, соорудил из другого нечто наподобие аркана и прицельно накинул его на вытянутую в направлении него длань Ивана. Тот в ответ лишь привычно ощерился, приложив указательный палец к своим губам. Вскоре ведро с водой оказалось у него в руке. Представить, что произошло потом совсем нетрудно. Спустившись с подоконника на пол, и подкравшись к мирно похрапывающей в кровати Ваше, он с размаху окатил ее из ведра, до краев полного холодной воды. Все, кто находился во дворе, могли отчетливо представить себе это после того, как из Вашей квартиры через открытое окно вдруг стали доноситься отчаянные вопли вперемежку с матерной бранью.

– Ой, паскуда! Ой, ...! Ой, сволочь! Тварь, что дэлаит са мной!

С успехом, устроив Ваше бесплатное купание, причем не где-нибудь, а в ее собственной кровати, Иван, тем же путем, каким попал в «стан врага», намылился обратно. Разница между тайным вторжением на чужую территорию, откуда до сих пор доносились матерные выкрики Ваши наряду с весьма нелестными эпитетами в адрес своего обидчика, и тем, как стремительно Сухнин выметался из ее апартаментов, была столь очевидна, что те, кто невольно наблюдал эту удивительную картину, едва не лопнули от смеха. Когда Иван был уже на полпути к карнизу, мокрая Ваша высунулась в окно. Яростно погрозив ему кулаком, она тут же исчезла в глубине своей квартиры. Едва Сухнин спустился на землю, подле него с кочергой в руке нежданно-неожиданно очутилась Ваша. Она так саданула ею Ивана по хребтине, что тот с трудом удержался на ногах. Корчась от боли, он пустился наутек вприпрыжку. Между делом, хапнув еще полстаканчика водки, Чувашов младший принялся пикивать какой-то развеселый мотивчик на баяне. Это еще больше обозлило Вашу, и придало неопишущую трагикомичность всей

картине, представшей перед удивленными взорами жителей барака. Бранясь и воинственно размахивая кочергой в воздухе, она обратила свой взор на Чувашовых...

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы, выглянув из окна, в дворовую разборку вовремя не вмешалась Маруся:

– Ваша, да ты, я вижу, совсем рехнулась! А ну, брось кочергу!

А то я шас свою возьму да выйду во двор!

– Иды, бири! Патом пасмотрим...

– А я и смотреть не буду! – рассердилась Маруся. – Так тебе по башке съезжу, чтобы неповадно было руки распускать! Ишь, ведьма старая, что вытворяет! Да, тебя в дурничку давно пора сдать!

– Да, ыды ты, знаишь куды...

– Я вот тебе пойду... Смотри, договоришься у меня...

– Зря ты, Маруся так раскипятилась! Твой сам во всем виноват! – облокотившись локтями на подоконник, и, слегка высунувшись из окна, чтобы было удобней смотреть снизу вверх, встряла в разговор до сих пор молчавшая Груня.

– Да, мой всю жизнь виноват! Вон недавно в гипсу три месяца прокандылял. В шахте завалило. Слава богу, живой остался! А, так бы, кому мы с дочуркой нужны? Кто нас задаром кормить станет?

Слезы навернулись на глаза Маруси.

– А тут эта чурка с глазами кочергой машет! А что, если б увечье нанесла? Вместо извилин у ней – кукиш сопливый, с верхней губы на нижнюю без разбегу скакнуть норовит! Двух слов связать не может, а – гонору, хоть отбавляй!..

– Вот потому и гонорится, что мужика у ней ни разу в жизни не было, – высказала свое мнение многоопытная соседка Груни.

– Мужика? На что он ей дался? Да, она сама почище любого мужика будет!

Но Ваша не слышала слов Маруси. Заметно струхнув, словно хмурое облачко, которое, едва отбросив ненастную тень на землю, она тотчас испарилась со двора. После этого целую неделю или более того, Ваша вообще не показывалась из дому.

8

Когда, наконец, Грохов вынырнул из темного и узкого, как змеиная нора, ходка, в глаза ему ударил яркий свет. Сделав несколько неверных шагов, он вдруг с ужасом отпрянул назад. Подземный электропоезд, двигавшийся ему наперерез, едва не сбил его.

– Твою мать! – в сердцах выругался Грохов.

Потом вдруг земля у него под ногами задрожала. Сверху, словно каменный дождь, посыпались мелкие кусочки породы. Звучно ударяясь о каску, они отскакивали прочь. На нижнем, третьем горизонте, в считанные секунды образовалась плотная завеса из пыли. Но это продолжалось недолго. С запозданием загудела спасательная сирена. Она означала, что горняки должны были немедленно прекратить работу и подняться на-гора. Тотчас погас дежурный свет. Электропоезда с составами порожних и уже груженых углем вагонеток со скрежетом замерли на месте. Люди со светящимися головками фонарей заматались по основному штреку. Их становилось все больше, пока они окончательно не заполнили собой почти все замкнутое подземное пространство. Еще толком ничего не зная, но догадываясь, что произошло нечто ужасное, они, сперва толкаясь и спотыкаясь друг о друга, неуклюже топтались на месте, тщетно норовя сделать хотя бы несколько шажков в нужном направлении.

– Эй, впереди! Ходу давай! Ходу! – послышались возгласы тех, кто находился в самом центре скопления людей.

В тот же миг, толпа, дрогнув, медленно тронулась. А, затем, постепенно набирая ход, вдруг, очертя голову, будто ее кто-то в одно место укусил, ринулась вперед... Время от времени, движение ее, то замедлялось, то ускорялось вновь... До тех пор, пока, словно стоворившись, неудержимым потоком из человеческих фигур, одетых в серую, сливавшуюся с полумраком, робу, и пылающих огней, людская масса стремительно и уже безостановочно не потекла вдоль вагонеточных рельсов, прямо к спасительной цели... Подъемному стволу!..

– Взрыв! Взрыв на втором! – слышалось отовсюду.

– А кто там в упряжке был?

– Бригада Дилана!..

– Передвигай костыли норовистей, мужики! А то, того гляди, здесь рванет! Или на башку кровлю наденет! – подгонял кто-то из горняков тех, кто шел впереди него.

– Шустрый – какой! Ты, случаем, запором не страдаешь? А то, щас в задницу аммонит⁹ утрамбуем! Как раз лишку осталось. Тяжело назад-то тащить!

– Себе утрамбуй!..

Как видно, у горняков, сдавали нервы, и, чтобы не выказать слабости перед лицом опасности, они, словно волки, попавшие в западню, почем зря скалили друг на друга зубы.

– А ты думаешь, как он его, лишок этот, из шахты выносит? – как бы между прочим, обратился к «Шустроуму», горняк, который шел справа от него.

– Как – это один вопрос! А для чего – другой... – нехотя ответил тот.

– Ежу понятно – для чего! Рыбу на водохранилище глушить!

– Ха-ха! Рыба-то потом дерьмом не воняет? – вклинился в разговор еще один горняк.

– Так он ее еще в магазин ухитряется сдавать? Если б знали лохи, что бабки за нее отстегивают, как эта горняцкого посола рыбка ловится...

– Хорош языком трепать! Фиг вы у меня больше вяленого чебака к пиву получите! – видимо, всерьез раздосадовал тот, о ком шла речь.

---

⁹ Аммонит – взрывчатое вещество промышленного производства – смесь аммиачной селитры и тротила. Используется для взрывания горных пород. В отличие от других взрывчатых веществ может детонировать и при нахождении в воде... <http://www.nakanune.ru/news/2010/6/8/22197636/>

Но горняки, напав на благодатную тему и, наверное, для того, чтобы сделать путь к клети короче, охотно продолжали ее развивать.

– Да, он рыбой за сезон разжился, как рыболовецкое судно!

– Ха-ха! Как-то окунька вяленого он мне дал к пиву. А я смотрю, у бедной рыбешки этой плавники не ярко красные, а темно-рыжие какие-то. Не рассчитал с аммонитом, значит! Чересчур бомбанул.

– Тебе, Федя, не в шахте, а китобойной флотилии работать надо. Подплыл на лодке к киту, за ус подергал, чтобы он разозлился и хлебало пошире открыл. Тут-то ты ему – раз и пачку аммонита, куда следует, заначил!

– Да, налево он аммонит сдает, чтоб уголек взрыхлить на бесхозных выработках и столкнуть, кому следует, за бабки! – сказал кто-то, чтобы, наконец, заткнуть балаболов.

Какие могли быть шутки, когда, затаив тревогу, все только и ломали тщетно голову над тем, что могло случиться там, горизонтом выше?

9

Был обеденный перерыв. Грохов вышел из здания шахты, чтобы немного прогуляться по свежему воздуху и заодно где-нибудь перекусить. Но не успел он сойти со ступенек крыльца, как едва не угодил под колеса автомобиля. Круто вывернув вправо, шикарный светло-коричневый «Лексус» резко притормозил, шаркнув дверкой о борт его пальто. Поначалу слегка опешив, и еще какое-то время приходя в себя, Грохов вдруг увидел, как стекло дверки медленно поползло вниз.

– Эй, дядя! – послышалось из машины. – Тебе – что, жить надоело?

Потом двигатель заглох, и из «Лексуса» поспешно вышла девушка. Водитель. Она вплотную приблизилась к Грохову и посмотрела прямо ему в глаза.

– Эй, товарищ!

Она помаячила ладошкой перед его лицом.

– С вами все – в порядке?

У Грохова, первым порывом которого было желание накричать на нахальную девчонку, дав выход переполнявшим его эмоциям, и, таким образом, поставить ее на место, неожиданно слова застряли в горле.

В тот момент Грохов и сам в точности не знал: все ли с ним ладилось? Ничего не понимая, он, как замороженный, смотрел на девушку. Она была темноволосая, голубоглазая. Казалось, ее капризные губы словно кричали: «Поцелуй меня! Поцелуй немедленно!» Во всем ее облике было что-то смелое, дерзкое и в то же время изящное. Полное такта, ума и очаровательной таинственности. Сочетание всего этого казалось просто невероятно обольстительным и потому не могло не произвести на Грохова впечатления. Как и, возможно, на большую часть представителей сильного пола из числа тех, кого судьба хоть раз в жизни сводила с очаровательной незнакомкой лицом к лицу. Или – с цвета кофе с молоком кузовом ее авто!..

– Ладно, подожди меня здесь, дядя! – с сочувствием глядя на него, сказала она. – Так и быть, с меня причитается!..

И девушка, крутанувшись на каблучках, и, показав ему спину, вскоре исчезла из поля его зрения.

– Ну, Михалыч, ты даешь!

– А? Что?

Повернув голову, Грохов увидел перед собой Рудина. На протяжении последних десяти лет тот был правой рукой Горшкова. Точнее, он просто-напросто подсиживал его, терпеливо ожидая, когда придет его черед возглавить шахту. Но, как видно, так и не дождался.

– Не успели Тумского директором назначить, а ты уже с его дочуркой накоротке. Ловко, ты – это! Ловко! Девка-то – огонь! Смотри, не обожгись! И потом, новый – это не Горшков. Папочкой тебе не станет. Ты видел его шоферюгу?

– Нет, не видел, а – что?

– Да, рожа у него – бандитская!

– Так, ведь с нее портвейн не пить! Внешность, она может быть обманчивой...

– Про то и говорю!..

И Никита Никитович пошел своей дорогой...

«Вот и правильно!» – подумал Горохов. Он достал сигарету и закурил, собравшись следовать примеру Рудина...

– А вот и – я! Не долго ждал, дядя! Садись, подброшу!..

Сам не понимая для чего, но Грохов сел в машину.

– Тебя, как зовут? – спросила она, дав шпоры своей резвой лошадке.

– Гаврил... Гаврил Михайлович!

– А меня – Анжела!

Девчонка прибавила газу, и дома непрерывной чередой замелькали за окнами автомобиля, точно между ними не было никакого расстояния, и они стояли, словно члены одной дружной семьи на домашнем фото, плотно прижавшись друг к другу.

– Тебе – куда?

– Я – на обед.

– Домой, значит? Жена, поди, шей наготовила?

– Да, нет у меня никакой жены.

– Все вы так поначалу говорите! А потом вдруг выясняется, что жена-то все-таки есть...

На полном ходу, неожиданно притормозив, Анжела вдруг крутанула баранку влево. Юркнув в переулок, «Лексус» остановился напротив двухэтажного здания. Над входом в него красовалась вывеска «Кафе «Лилия».

– Выходи, дядя! Это – сносная забегаловка. Цены, здесь – аховые! А кормят, так себе! – предупредила она. – Потому и народу – мало! Не люблю в очереди стоять!

Заметив, что ее спутник слегка замялся, Анжела тут же добавила:

– Я плачу! Плачу за то, что едва жизни тебя не лишила!..

– Это – ни к чему! – сказал Грохов. – Жалобу строчить на тебя я и так не стану. И вообще, лучше нам поскорее разбежаться в разные стороны. Я отправлюсь по своим надобностям, а ты...

На что, презрительно хмыкнув, Анжела спросила:

– Дядя, тебе – неприятно мое общество?

Она посмотрела на него с обворожительной улыбкой, от которой пот прошиб Грохова.

– Скорее, наоборот! Но я – тебе, не дядя, а ты мне – не племянница, – стараясь не смотреть на нее, хмуро изрек он.

– Ты чего-то боишься? Может...

Но Грохов, открыв дверку, уже второпях выходил из машины. Она последовала его примеру.

– С тобой – все о'кей?

«Чего она от него хочет?» – непонятно на что, злясь, спрашивал он себя. Гаврил даже боялся подумать о том, что творилось в его душе. Дерзкая девчонка и, вправду чуть, было, не сделала его калекой, а то и вовсе не отправила в мир иной. Стоя подле машины, она какое-то время недоуменно смотрела ему вслед.

– Ненормальный! Еще увидимся!

Но Грохов лишь крепче сжал зубы.

10

После того вечера, когда в отсутствие родителей Алены Гаврил побывал у нее в гостях, она забеременела. По истечении месяца Грохов узнал об этом от самой Алены.

– Как назовем? – с улыбкой спросила она.

Гаврил неуверенно пожал плечами.

– Михаил! Так моего отца звали.

– А я думаю, назовем Татьянкой! Ведь будет девочка...

Грохов удивился, но еще через восемь месяцев и, в самом деле, родилась девочка. А до этого будущие молодожены успели дипломироваться. На четвертом месяце беременности, когда живот у Алены стал заметно округляться, они поженились. Свадьбу не играли. Просто, после того, как расписались в ЗАГСе, коротко посоветовались с родителями, и Гаврил переехал жить на квартиру к Лениным предкам. У них было три комнаты, и одну они отвели для любимой дочери и ее супруга.

Тогда-то Гаврил, недолго думая, устроился работать на шахту. И, конечно же, он даже не подозревал, какой сюрприз ждал его в самый первый рабочий день.

Хоронили бригаду Дилана всей шахтой. Всего, включая четверых забойщиков, тогда погибли семь человек. Не стыдясь слез, Поддонов плакал, как малое дитя. А после того, как под звуки оркестра, препроводив погибших горняков на кладбище, и, схоронив их тела, все вернулись в шахтовую столовую, чтобы справить панихиду, он влил в себя стакан водки, даже не моргнув глазом. Как будто бы пил воду. И – так, несколько раз подряд.

Это был самый первый и самый горький урок для Грохова, который, сам того не желая, он извлек из своего жизненного опыта, едва переступив порог шахты. Нет, Гаврил не испугался того, что однажды с ним может произойти нечто подобное. Трагическое и нелепое. Наоборот, с благодарностью вспоминал Дилана и Васька, которые, отправив его на нижний горизонт готовить порожняк под отгрузку, в действительности, спасли ему жизнь. Как видно, хозяйская предусмотрительность Дилана и слово, которое он дал Поддонову, присмотреть за парнем, первый раз спустившимся в шахту, было сказано не просто так. Если быть объективным, учась на четвертом курсе института, Грохов во время практики трижды спускался в шахту. И каждый раз на два-три часа, не более того. Это не шло ни в какое сравнение с десятичасовой рабочей сменой, в течение которой ему приходилось теперь почти ежедневно находиться под землей, добывая свой кусок хлеба в поте лица.

Хуже всего было то, что после гибели лучшей на участке бригады Поддонов казался сам не свой. И, хотя работа шла, как всегда, не лучше и не хуже, он, то и дело, беспричинно взрывался негодованием, предъявляя, хоть и жесткие, но справедливые, как он полагал, требования к своим подчиненным. То ему казалось, что, кровля¹⁰ в забоях ненадежно крепилась после отпалки¹¹. То, по его мнению, метан замерялся не столь тщательно, как это того требовало. И, вообще, все было не так, как надо. Он, словно боялся, что если, не дай бог, на участке случится еще что-нибудь навроде того, что стряслось с Диланом и его ребятами, то он этого больше не переживет.

– Черт знает, что – такое! – орал он, багровея и, видимо, чтоб охладить собственный пыл, непомерно раздувая щеки. – В прошлую смену, почему уголь, как положено, не подчистили? Рештаков из-за мелочи не видно. Все ею завалены... Над входом в люковую верхатура просела!

¹⁰ Кровля – слой, или несколько слоев пород, залегающих непосредственно над пластом угля. <http://www.ukkbel.ru/content/articles/index.php?article=1925>

¹¹ Отпалка – взрывные работы. http://miningwiki.ru/wiki/Шахтёрский_жаргон

А, если кому-нибудь из вас кусок породы на башку покурить присядет, кто опять отвечать будет? Кто, спрашиваю?

– Да, не курит порода, не пьет и жене не изменяет, Горыч! – как могли, успокаивали Поддонова шахтеры. – А, если попробует, мы ее враз перевоспитаем!.. Ага, Горыныч! Ой, прости, Горыч, на поруки, твердолобую, возьмем. Сопротивляться будет, всем участком отдомкратим... То есть, в переносном, конечно, смысле...

– Так я вам, пустомелям, и поверил! – немного поостыв, продолжал сердиться Поддонов. – Смотрите, как бы она вас забесплатно не поимела. А то, не курит, не пьет! Скажите еще, ханкой не ширяется!

– Не знаю, Горыч, чем она там ширяется! Но, раз торчит, где ей полагается, значит, кайф от этого испытывает. Тогда и нам – хорошо, и – ей!

– Пока что, находите, значит, общий язык?

– Нет, Горыч, языка у ней, у этой твари! Она, в основном, молчунья. Так, иногда, шурша, подсыпает сверху маленько... Соль – на рану!..

– Ладно, убедили, что все у вас – в порядке там, внизу, будет. Идите, к черту, работать! А то, будете тут всю смену макароны по-флотски мне на пылесборники вешать.

И все же Поддонов больше никогда полностью не полагался на своих подопечных. Вслед за каждой сменой он непременно спускался в забой сам, чтобы еще раз проверить, все ли там – ладно? Если иной раз, особенно в ночную смену, ему это не удавалось, по понятным причинам, то он звонил на шахту своему заместителю или мастеру участка, в зависимости от того, кто из них находился на смене, и все подробно у них расспрашивал. Как, мол, и – что? Если все было хорошо или относительно хорошо, он ложился спать. Если нет, среди ночи мчался на шахту. Поддонов одного никак не мог понять, отчего все-таки произошел взрыв? В шахтовом журнале по замеру метана в нужной колонке было отмечено, что его норма вполне допустима. Промежуток по времени между замером и началом работы, то есть, тогда, когда произошел взрыв, являлся незначительным. За каких-то полчаса уровень гремучника не мог повыситься сверх меры. Если он и начал скапливаться, то – после отпалки в ночь. Поддонов подробно расспрашивал десятницу, которая появилась в забое в то роковое утро и, как будто бы, добросовестно сделала то, что ей и полагалось. По этому поводу он пытал Грохова. Тот встретился с десятницей в вентиляционном уже после того, как та вышла из забоя. По тому, как она припадала при ходьбе на одну ногу, Гаврилу сразу же показалось, что с ней что-то – не так. И, хотя свету было недостаточно, он успел, вроде бы, заметить, что лицо у ней местами испачкано сажей, глаза заплаканы, а канарейка болталась на ремне, перекинутом через плечо, точно посторонний и совершенно бесполезный предмет. Но Грохов не поделился своими сомнениями с Поддоновым. Зачем ему было зря наговаривать на девчонку, которая из-за этого могла огрести, по самое не хочу, неприятностей? Ведь Гаврил в точности ничего не мог знать. Он лишь догадывался. К тому же, у Поддонова наверняка уже состоялась серьезная беседа с глинжем, отвечавшим за всякую чрезвычайщину. Сразу же после того, как Дилана и его бригады не стало, на шахту одна за другой стали прибывать разные комиссии, как будто от их прихода могло что-либо измениться. Грохов же, хотя и являлся без пяти минут угольщиком, понял для себя одну простую вещь. Если сам о себе не позаботишься, никто о тебе заботиться не станет. То есть, если тебе на собственную жизнь не совсем наплевать, всегда будь на чеку, когда ты находишься под землей. Именно с этой целью Гаврил неожиданно для себя и на удивление родным и близким, в особенности же тем, кто каждый день спускался с ним в клетки под землю, в первый раз отроду купил настоящую живую птицу. Но канарейка, повеселив горняков несколько дней кряду, в очередной раз очутившись в забое внезапно сдохла. Это стало тревожным сигналом, и шахтеры тотчас покинули забой!..

11

Был уже глубокий вечер, и за окном начинало смеркаться. Грохов хотел было принять душ, как вдруг зазвонил телефон.

– Это – ты, дядя! – раздалось на том конце провода.

Гаврил едва удержался от желания тотчас прервать связь. Девчонка явно начинала его доставать.

– Чего – тебе? – глухо спросил он.

– Нам надо встретиться!

– Да?! А переспать ты со мной не хочешь?..

Это вырвалось у Грохова как-то само собой. И он в досаде прикрыл трубку рукой. На том конце телефонной линии возникла короткая пауза.

– Посмотрим на твое поведение! Ты мужик – ничо. С понятием. Но какой-то неотесанный...

– Ну, так обтеши!

– Всему – свой черед!..

– Только гляди, ваятель в юбке выше колен, струмент зря не запорти. Я – крепкий орешек!

– Так вот, грецкий орешек! Спускайся во двор. Я тут в тачке сижу, тебя жду. И, поторопись!

– Ты знаешь, твое предложение – очень заманчивое! Только я вот как раз душ принять собрался. Так что, ты на мое общество не рассчитывай. Хоть до утра в тачке своей можешь торчать под моими окнами, а я не выйду, и – все тут!

– Выйдешь, дядя! Выйдешь! А, иначе, я попрошу своего отца... Уволить тебя с работы!

После таких слов, Грохов, едва не рассмеялся прямо в трубку. Нагло и цинично. Но вовремя сдержался.

– Ты – это, серьезно?

– Еще – как!

По сердитым ноткам, которые прозвучали в ее голосе, он понял, что сумасбродная девчонка как будто бы не шутит. Одного Гаврил не мог взять в толк: на кой ляд он ей понадобился?

– Так, что ты решил, дядя? Мир или война?

Спускаясь по лестнице, Грохов с некоторой долей опасения и в то же время сарказма невольно подумал о Никаноре Гомеровиче. Что, если он узнает, что Гаврил знаком с его единственной дочуркой не понаслышке? Грохов даже представил себе лицо Тумского. Но оно не таило в себе никакой угрозы. Наоборот, в губах родителя Анжелы пряталась усмешка, а его пронизывающий взгляд, казалось, говорил ему: «Что, герой, съел? Моя – дочка! Моя – кровь! С ней много не поспоришь! Как она сказала, так все и будет!» Грохов даже невольно тряхнул головой, чтобы прогнать прочь неожиданно возникший перед ним образ Тумского. Вот навязался на мою бедную голову!.. Затем Гаврил подумал о работе. Впрочем, шахта продолжала трудиться в своем обычном режиме. Так, как будто бы ее директором по-прежнему был Горшков. Наверное, такое впечатление создавалось оттого, что Никанор Гомерович поначалу вел себя тихо и неприметно. По крайней мере, Грохову так казалось. Тумский приглядывался ко всему, что происходило на поверхности, ни во что не вмешиваясь. Иногда спускался под землю... Довольно частые утренние совещания в его кабинете, равно, как и почти ежедневные селекторные временно проводил не он, а Рудин. Тумский же, лишь сидел во главе круглого стола, глядя на подчиненных, или же – перед включенным селектором, и слушал, что и как говорят другие. Иногда он задавал начальникам отделов или участков интересующие его вопросы, но – не более того. Это-то всех и настораживало. Уж, лучше бы новый дирек-

тор в своей привычной манере довольно резко высказывал замечания по работе, расчесывая в хвост и в гриву нерадивых, чем, заняв выжидательную позицию, порой свербел окружающих своим на редкость пристальным взглядом, от которого, казалось, ничего нельзя было скрыть. Каждую планерку он словно гипнотизировал подчиненных, постепенно делая их послушными своей воле. «Что же будет, когда, засучив рукава, он окунется в работу?» – с некоторой долей пессимизма и страха думали угольщики. Но каждый раз в конце совещания, как бы подытоживая все увиденное и услышанное, Тумский одобрительно кивал головой, произнося одни и те же фразы:

– Очень хорошо! Замечательно! Спасибо всем! Все – свободны...

Это несколько сглаживало негативное впечатление, каковое складывалось у людей от молчаливого присутствия Никанора Гомеровича на утренней планерке. И они расходились по своим кабинетам в более приподнятом настроении, чем оно было у них примерно с минуте-другую назад. Вопреки тому, что Тумский являлся полной противоположностью прежнему руководителю, который, не смотря на его вспльчивость и грубоватость, по мнению горняков, по своим человеческим качествам выгодно отличался от Никанора Гомеровича, что-то заставляло их верить ему и надеяться на лучшее. До сих пор шахта, где они добывали уголь, кто год, кто два, а кто десяток лет или более того, на одну половину принадлежала государству, а на вторую – местной угольной компании. У этой компании часто менялось название, но суть оставалась прежней. Она являлась в основном убыточной. Не жизнеспособной. Частный концерн «Гран-при» после долгих переговоров с бывшими владельцами, в конце концов, недавно приобрел ее и назначил Тумского директором. Однако, отдал бывшим хозяевам шахты пока что лишь часть требуемой суммы. То есть, примерно пятьдесят процентов от всей стоимости предприятия. Остальное было уговорено выплатить ровно через год после того, как новый собственник вступит в свои права. Уж, больно баснословной показалась «Гран-при» сумма сделки.

Выйдя во двор, Грохов увидел все тот же «Лексус». Габаритные огни его как-то озорно поблескивали, словно предвещая поездку, во время которой, вряд ли, придется скучать. Открыв дверку, он сел рядом с Анжелой.

– Привет, дядя! – сказала она, загадочно улыбаясь. – Чего, такой – невеселый?

– Потому и невеселый, что одна нахальная особа очень хочет испортить мне вечер!

– Почему, ты так решил? Может, эта особа как раз планировала сделать все наоборот?

– Неужели? Тогда почему бы ей не найти себе ухажера помоложе? Вздорного и никчемного! Такого же, как – она сама...

За разговором Грохов не почувствовал, как авто плавно тронулось с места.

– Девственника, например!

– Да, папенькиного сыночка! С крутой тачкой наподобие твоей, толстым кошельком и полным отсутствием мозгов!

– Ты хочешь сказать, жизненного опыта!

И Анжела, выехав со двора на автостраду, резко нажала на газ почти до упора... Колеса взвизгнули, и «Лексус», как сумасшедший помчался по шоссе...

– Гм... Ну, вроде того!

– Во-первых, в деньгах я не нуждаюсь!

Продолжая лихо рулить машиной, она зачем-то включила в салоне свет и потянула за золотую цепочку, висевшую у нее на шее.

– Вот видишь этот алмаз?!

Взору Грохова предстал граненый камушек средней величины в серебряной оправе. В свете лампы над головами водителя и пассажира и авто-приборов он феерически поблескивал.

– Отец подарил! – похвастала она, щелкнув выключателем, и, погрузив салон машины в полумрак. – Он долгое время работал управляющим фирмы, владеющей алмазными копиями!

– Так, вон оно, что! А я-то думал, почему в горном деле он – ни в зуб ногой! – нарочито громко рассмеялся Грохов.

– Зря, ты – так! Папа в короткий срок сделал ту фирму прибыльной. Точнее, сверх прибыльной!

– Ну, еще бы! Только на угле особо не разживешься! Тут его ждет много сюрпризов!

– Ничего, он справится! И не злорадствуй, пожалуйста! Ведь, на самом деле, ты – хороший дядя!

– Ну, тебе виднее...

– Вот именно! Но ты много о себе не мни! Не в тебе вовсе – дело! Просто я люблю, чтобы все было, по-моему!

– Вот, значит, как! – снова усмехнулся Гаврил. – Облагодетельствовать все-таки меня решила, чтобы я зла на тебя не держал!

– А ты, как думал? А то, еще ляпнешь кому-нибудь, что директорская дочка – дура! Машину водить не умеет! Чуть жизни тебя не лишила!

– Фу, ты, господи! – фыркнул Гаврил. – Дался тебе этот случай! Я, уж, давно забыл про него, а ты – опять за свое!

– А, я – нет!

Машина затормозила возле какого-то кафе, с виду совсем непохожего на прежнее. Уже окончательно стемнело, и его фасад празднично иллюминировал разноцветными огнями. На входе стоял бугай-вышибала. При виде Анжелики он радушно ощерился.

– Чао, Пендель! – коротко приветствовала она.

– Чао, крошка!

– Мой столик накрыли?

– Все, как ты просила, куколка!

– Сенкс!

Они прошли мимо гардеробной, поскольку верхнюю одежду по настоянию Анжелы оставили в машине. Так было больше уверенности, что после вечера, проведенного в кафе, их собственные вещи останутся в целости и сохранности.

Вслед за девушкой Грохов сел за столик и огляделся. Как оказалось, прежде он даже не подозревал о том, что с некоторых пор в его городе имелись подобные заведения. «Отстал от жизни», – про себя вдруг подумал Гаврил. Только можно ли было то, как он жил прежде, назвать жизнью? Анжела, словно прочитав его мысли, снисходительно и немного высокомерно улыбнулась ему. Однако, он имел в виду не совсем то, что она подумала...

12

Татьянка, которая родилась в январе, в самый разгар крещенских морозов, была ребенком крепеньким ладненьким, но до того беспокойным, что частенько закатывала сольные концерты по ночам. Молодая мама не высыпалась и оттого раздражалась на мужа чаще обычного. Однажды утром, встав проводить его на работу, она вдруг ни с того, сего заявила:

– С шахты тебе придется уйти, Гаврил!

Татьянка, которая родилась в январе, в самый разгар крещенских морозов, была ребенком крепеньким ладненьким, но до того беспокойным, что частенько закатывала сольные концерты по ночам. Молодая мама не высыпалась и оттого раздражалась на мужа чаще обычного. Однажды утром, встав проводить его на работу, она вдруг ни с того, сего заявила:

– С шахты тебе придется уйти, Гаврил!

– Это – почему же? – даже слегка оторопел он.

– Потому, что ребенку отец нужен живым!

– Так, я что, по-твоему, что-то имею против этого или руки наложить на себя хочу?

– Не юродствуй, прошу тебя! Ты думаешь, я ничего не знаю?

– О чем – это, ты?

И Гаврил сделал удивленное лицо.

– Я читала в газете про бригаду Дилана. Кстати, почему ты мне ничего не сказал об этом в свое время? Ведь погибшие шахтеры работали на том же участке, что и ты. Более того, это был твой самый первый день в шахте! И в то время, когда все это случилось... Надо ж подумать! Ты был под землей!

– А мне странно, что моя жена спрашивает меня об этом спустя столько времени? И – потом, я ведь остался жив!

– Пока жив...

При этих словах Грохов угрюмо посмотрел на жену.

– Что-то я не пойму тебя, Алена! Ты ведь знаешь, чтобы заработать на кусок хлеба с маслом, я должен спускаться в шахту. В конце концов, я этому учился. Другого я не умею!

– Научишься! Пускай не сразу...

– Но у нас – дочь! И мы живем в чужой квартире!

– Выходит, для тебя мои родители чужими стали?

– Не цепляйся к словам, пожалуйста! Я не это имел в виду!

– А я – именно это! Выбирай: или – я, или – шахта! Татьяна потому и не спит по ночам, что чувствует, что у меня на душе неспокойно! Ты уходишь из дому, а я смотрю тебе вслед и не знаю, вернешься ты в целости и сохранности?.. Или ...? И от этого мне так тоскливо становится, что хоть волком вой!

– Да, с тобой и впрямь не соскучишься! – вздохнул Гаврил. – Только пойми и ты меня, Аленка, не могу я больше нигде работать, кроме, как в шахте, и – точка!

– Не думала я, что любовь твоя ко мне так быстро закончится...

– При чем здесь – наша любовь? – решительно возразил Грохов. – Тут – совсем другое...

– Другое? – в упор глядя на мужа, недоверчиво переспросила Алена.

– А, ты думала! – стараясь не раздражаться, угрюмо заметил Гаврил.

13

– Это – правда, что нашу лавочку закрыть хотят?

Задавая свой вопрос Ляхов, как всегда, вел себя не в меру непринужденно. Он многозначительно посматривал на товарищей. Картинно закидывал ногу на ногу, сидя на стуле. Точно, и впрямь желание выделиться из общей серой массы, покоя ему не давало.

– Только ты не темни, начальник, говори, как есть!

– Сложно с тобой разговаривать, Вова! Вечно ты строишь из себя какого-то там... Нельсона Манделу.

– А кто – это? – тотчас, сбросив всякую важность, и, напустив на себя придурковатый вид, спросил Ляхов.

– Кто, кто... Мигалка – на авто! Это – большой человек. Не нам с тобой – чета!

– Подумаешь! – фыркнул Ляхов. – Вот, если бы у этого самого... Как его?..

– Манделы! – подсказал горняк, сидевший по левую руку от своего не в меру разговорчивого товарища.

– Ага!.. Маделы!.. Спросили, кто такой – Вовчик Ляхов? А?

И балагур, важно приосанившись, обвел всех вопросительным взглядом.

– Что бы он ответил?

– Не ответил, а спросил!

– Спросил?

– Ну, да!.. Он спросил бы: «А это – кто?» А ему бы сказали:

«Известное дело, кто! Главный клоун – в нашем Шапито!»

Слухи всегда опережают события. Они, как птицы, которые до наступления холодов собираются в стаи и прощально кружат над родными полями и лесами, чтобы улететь в дальние края. Не успел Тумский вступить в должность, как горняки стали втихаря судачить о том, что, мол, шахта последние дни доживает. Государство и местные угольные боссы от нее отказались в пользу концерна «Гран-при». А те не торопятся за кота в мешке платить. Как будто бы хотят вначале, как следует, прощупать, на что им рассчитывать, если они за угольные залежи кругленькую сумму выложат. Или же денег у них на все, про все не хватило... Подкопить хотят! А, может, пожадничали. Поэтому, сперва попросили отдать им шахту, то ли в аренду, то ли еще непонятно на каких условиях... До окончательного расчета. Также, говорили, что прежние хозяева неохотно пошли на сделку. И, лишь с тем условием, что, в случае чего, за ликвидацию горных выработок, рекультивацию земель и прочее тоже деньги платить придется. Не им, конечно! Пусть новый собственник, у которого бабок не меряно, когда смекнет, что с угольком облом вышел, и раскошелится. Только, тогда уже поздно будет кулаками махать. Предупреждали их, что добыча на шахте на обе ноги хромает. Постоянно какие-нибудь мелкие ЧП и аварии случаются. Так, нет! «Гран-при» нужных людей подключил. Давай по-своему уговаривать угольных чиновников, которые лишь для виду сперва артачились... Но, в конце концов, «добро» на сделку дали. Только, «добро» ли – это, новые хозяева тогда сами толком не знали. Тем более, что не на свой хлеб рот разинули. В добыче-то угля они ни бельмеса не шпренькают... А может быть, на самом деле, все совсем не так, как это со стороны кажется, и пришлые толстосумы какую-нибудь свою, ведомую только им одним линию гнули.

Грохов старался не думать об этом и работать, как прежде. Так как будто бы ничего не изменилось, и жизнь текла своим чередом. Но, в очередной раз, зайдя в кабинет к Тумскому, он вдруг понял, что как бы не зарывал он голову в песок, точно страус Нанду, лишь бы ничего лишнего не видеть и не слышать, вряд ли, у него это получится.

– Знаете, Грохов, я ничуть не обижаюсь на то, что в глубине души вы считаете меня дилетантом, который присвоил, точнее, купил за деньги себе чужое ремесло! – вместо приветствия сказал Никанор Гомерович.

– Не помню, чтоб я такое вам говорил! – ответил Гаврил, стараясь не смотреть Тумскому в глаза.

– А, я и не утверждаю, что говорили! Просто, у вас на лице это написано. А я, хоть и пока что, не разбираюсь в горном деле так, как вы, зато я умею другое. Я умею проникать в чужие мысли!

– Какая ж, вам от этого – польза? – нечаянно вырвалось у Грохова. – Мне, кажется, наоборот, один только вред... Впрочем, вы тоже можете ошибаться!

– Конечно, могу! Но только не в этот раз.

Держа руки в карманах брюк, Тумский легкой походкой прошелся по кабинету.

– Нет, поймите меня правильно! Я ни в чем вас не виню! Можете думать все, что захотите и сколько захотите. Я вас позвал не за этим.

– А – зачем же? – настороженно глядя на Тумского, спросил Гаврил.

– У вас есть горняцкий опыт! У меня – деньги и власть. Поделитесь со мной опытом, и я подумаю о том, чтобы вы занимали более высокую должность и получали за это достойную зарплату.

Грохов слегка насупился и даже помрачнел. Неужели в этом мире стало возможным все и всех покупать за деньги? Неужели не осталось ничего святого?

– Да, не будьте вы скучным моралистом, выбросьте всякий хлам из головы! – раздраженно заметил Тумский. – Мне надо шахту сделать прибыльной, чтобы мужики хорошую зарплату получали и приносили ее своим женам домой! Разве, это – плохо?

Грохов почувствовал, что начал невольно злиться. «Тоже мне, умник выискался! – подумал он. – Да, не о людях ты печешься, а собственном кармане, прежде всего! А на людей тебе наплевать! Сколько их под землей навсегда останется, когда они твой безразмерный кошелек всерьез станут деньгами набивать!»

– Но почему, именно, я? На шахте много специалистов, которым я в подметки не гожусь!

Тумский презрительно улыбнулся. В это время его сотовый выдал какую-то вполне приятную для слуха мелодийку.

– Офелия? Привет, дорогая! Я буду через час...

При имени «Офелия», сам того не ожидая, Грохов приметно вздрогнул.

14

По соседству с бабушкой Зосей в разное время проживали разные семьи. По каким-либо причинам одни выезжали из квартиры, другие вселялись в нее. Они были отличны во всем, но схожи – в одном-единственном. В том, что кто-либо из глав этих семей, а то и оба сразу, работали не где-нибудь, а, именно, в милиции. Это было неременным условием для того, чтобы занимать часть жилплощади по соседству с бабушкой Зосей. Другими словами, эта часть коммуналки была служебной и принадлежала правоохранительным органам. Поэтому смена жильцов производилась по их усмотрению. И так могло продолжаться до бесконечности. С одними баба Зося и Дед Гоша быстро находили общий язык и жили душа в душу. С другими это давалось сложнее. Или же совсем не удавалось. Это происходило по многим причинам. В зависимости от возраста, характера и достатка семей, получавших крышу над головой в деревянном бараке. К тому же, работа у служителей правопорядка была не простая. Нервная. Честно признаться, из всех семейств, которые соседствовали с Гроховыми в течение примерно двух десятков лет, больше всего ко двору пришились Генераловы. Потап Потапович почти под стать своей важной фамилии, имел чин полковника и занимал высокую должность в органах. Это был солидный человек. Килограммов сто весом. Начальственного вида. Но, как ни странно, вопреки этому, в обращении он казался чрезмерно прост. Глаза его светились умом. Улыбался он всегда широко и открыто. Гаврил помнил, как Потап Потапович и его супруга, работавшая в детской комнате милиции, женщина очень болезненная и сентиментальная, по очереди угощали его витаминками. В то время подобное лакомство было большой редкостью. Белые таблетки, с трудом помещавшиеся в ладошке Гаврила, сами таяли во рту и имели чрезвычайно приятный вкус.

У Генераловых были две взрослые дочери. Старшая Дана, жгучая брюнетка, часто катала Гаврила на велосипеде. Он замирал от восторга, когда, посадив его на багажник или раму, она мчалась по дороге, обгоняя ветер. Впрочем, Дана развлекала подобным образом почти всех дворовых ребятшек без исключения, и, тогда они буквально обалдевали от счастья. Однако, очень скоро ей это занятие надоедало, а назойливость ребятни, просившейся покатать еще и еще, начинала ее раздражать. Не церемонясь, Дана, у которой был весьма дерзкий характер, посылая дворовую шпану куда подальше. Но не так, чтоб, уж, очень далеко! Отчаянно крутя педалями, она, как вихорь, срывалась с места и мчалась прочь. Туда, где никто не стал бы ей больше докучать.

Младшая дочь Генераловых Лида являлась умственно отсталой. Она никогда не училась в школе. Поэтому не умела ни читать, ни писать. Часто сидя с Гаврилом в кухне, она грызла семечки. Но, отделяя шелуху от зерен, не съедала их сразу. А, то и другое отдельно складывала в горстки на кухонном столе. Лида делала это очень ловко. Количество шелухи и зерен заметно росло. Когда оно уже достигало, по-видимому, того предела, который Лида считала вполне достаточным, чтобы прекратить свое занятие, она отправляла шелуху в ведро с угольной золой, которое всегда стояло подле печи на кухне. Горсть же зернышек делила напополам. Одну половинку она съедала сама, второй угощала Гаврила. Если учесть, что ему тогда было лет пять-шесть, не более, то желание Лиды хоть чем-то подсластить жизнь соседскому мальцу, становилось понятным. Оно являлось ни чем иным, как проявлением заботы о более слабом, чем она сама, и незащитном существе. Иногда Лида садила Гаврила на колени и целовала его в обе щеки. И, таким образом, выражала свою симпатию к нему. Как видно, ее душа искала выхода для тепла и любви, которые переполняли несчастную девушку.

Это была наилучшая пора в жизни Гаврила, а, значит, и в жизни бабы Зоси и деда Гоши, которые в собственном внучке души не чаяли. Но все хорошее почему-то быстро проходит.

И однажды Генераловы пригласили своих соседей, с которыми прожили не один год в тесной коммуналке на прощальный ужин.

– У нас – новоселье! – торжественно объявил Потап Потапович, когда и гости, и хозяйка уселись за стол. – Квартиру благоустроенную дали. Трехкомнатную! В кирпичном доме! С отдельными ванной и туалетом. Вода холодная, горячая – круглые сутки...

Казалось, радости новоселов не было предела.

– Вот, как только переедем, приходите нас проводить...

Однако пожили в новой квартире Генераловы недолго. Потап Потапович вскоре неизлечимо заболел. То ли ожирение сердца у него врачи заподозрили, то ли еще – что. Но, как только он всерьез занедужил и слег, больше уже не поднимался с постели. Супруга его на этом свете тоже не особенно задержалась, и через год после смерти мужа ее отвезли на кладбище. Старшая дочь Генераловых обзавелась собственной семьей. Лиду же определили в дом для умалишенных. Гроховы навещали ее несколько раз. Но однажды к ним домой пришла Дана и сказала, что ее младшая сестра приказала всем, кто ее знал, жить до глубокой старости.

15

Гаврил поначалу ужасно ревновал Офелию к Витьку Булыгину.

Это был его новый сосед. Пацан, как пацан, с черными живыми и ужасно лукавыми глазами. Смышленный не по годам, он знал, откуда дети берутся.

– Да, в магазине их покупают! – важно изрек Колька. – Мне ж, мамка говорила.

– Дурак – ты! – рассердился Витька. – Не будет же твоя мамка тебе, молокоосу, рассказывать, как они с твоим папкой по ночам тебя делали!

– Правильно он говорит! – со знанием того, о чем вел речь подтвердил Пашка. – Если женщину за грудь часто тискать, у ней дети появляются...

– Как – это? – от изумления открыв рот, спросил Гаврил.

– А, вот – так! Через рот изнутри они выходят... – продолжил Пашка.

– Сами по себе, что ли? – допытывался Колька.

– Хо-хо-хо! Какие вы, все – темные! – не выдержал Булыгин.

До сих пор он с хитрой улыбкой на лице следил за спором ребят, наконец, это ему наскучило.

– Что вы несете, недотепы!

– Куда уж, нам – до тебя! – с обидой возразил Пашка. – Ты – один у нас такой смекалистый! Навязался тут на нашу голову, грамотей!

– Вятский – я! Вятский! А мы – вятские, ой, какие до девчонок – охочие! Все про них с пеленок знаем...

– Ну, тогда скажи, знахарь, откуда дети берутся?

– Откуда?!

Витька поневоле изобразил разочарованную мину.

– Глупый вопрос!

– Ну, так, задай неглупый! – казалось, Пашка начинал злиться всерьез. – А то, ты уже всем нам тут мозги закомпостирировал...

– И задам! Еще как задам...

Витька хитро улыбнулся.

– К примеру, что у тебя есть самого интересного?

– У меня?

– Да, у тебя?

– Радиоприемник! Большой такой... «Минск» называется. Я его каждый день слушаю. Клево!

Видя, что все, как один, ребята сосредоточенно уставились на него, Пашка немного замялся и даже слегка покраснел.

– Точнее, приемник – не мой, а отцовский! Но он разрешает мне им пользоваться...

– Дурак!

Витька сердито сплюнул себе под ноги.

– Я имел ввиду совсем другое! Что – у тебя в гультфике... И – не только у тебя одного!

И Булыгин, презрительно ухмыльнувшись, бросил высокомерный взгляд на своих товарищей.

– Вот, тот-то и – оно! А у девчонок это есть?

– Ну, нет! – хором воскликнули мальчишки.

– Вот из этого места, где ничего нет, дети и выходят!

– Фу, какая гадость! – невольно вырвалось у Кольки. – А, как же, тогда они...

Однако, то ли оттого, что он не мог себе этого вполне представить или по иной причине, вопрос застрял у него в горле. Но догадливый Витька, видимо, отнюдь не превратно уяснив суть его вопроса, тотчас ответил на него.

– Молча, Колян! Молча... Физиология у них – такая...

– Врешь ты все, вятский! – наконец, не выдержав, раскипятился вдруг Пашка, но больше оттого, что совершенно не понимал значения слова «физиология» и потому на фоне Булыгина вместе с остальными ребятами выглядел полнейшим дураком. – А, дальше будешь врать, морду набью!

И он угрожающе сжал длинные и тонкие пальцы в кулачки.

– Это я вру?

Витька невинно захлопал длинными красиво изогнутыми кверху ресницами.

– Так, ведь это можно проверить!

Пашка от возмущения даже сплюнул себе под ноги.

– И, как же, ты это проверишь? То есть, твою, эту самую... Как ее?..

– Фи о гию! – с трудом выговаривая, подсказал Колька.

– Очень просто!

Все ребята с любопытством уставились на Витьку.

– Что вы на меня смотрите, как будто у меня на голове кипарис растет?... У нас во дворе – две девчонки. Кларка и Офелия. На них и проверим...

– Валерка, а ты что молчишь? – спросил неожиданно Пашка. – Ведь Кларка – твоя сестра!

– Вот потому, как – сестра, а не кролик какой, никто никаких опытов над ней проводить не будет! Я не позволю! Понятно?

И, повернувшись к ребятам спиной, он тут же ушел.

После этого разговора Гаврил обнаружил, что каждый день Витька вьется вьюном вокруг Офелии. То с правого боку к ней зайдет, то – с левого. То неуклюже за талию двумя руками обхватит и, тихонечко так, прижмет к себе. Сам – пунцовый, как бант – в ее волосах! Ухажер-то, видно, из него был никакой. Такого раньше за ним Гаврил не замечал. Но, больше всего, его раздражало то, что Офелии это, как будто бы, даже очень нравилось. Щечки ее слегка розовели. Когда они о чем-то разговаривали между собой, она весело смеялась и без промаха стреляла голубыми глазками в своего настойчивого кавалера. Гаврила же, Офелия, точно вовсе не замечала. Это его особенно обижало. Именно, поэтому он на время перестал приходить к ней домой, чтобы вместе делать уроки. Гаврил все ждал, когда Офелия подойдет к нему и спросит, почему он не приходит к ней, чтобы, как прежде, сообща готовить домашнее задание. В арифметике она была совсем не сильна. Но этого не происходило, и Грохов, в самом деле, стал беспокоиться за свою подопечную. Пока ей Булыгин лохмы на пробор причесывает, она ведь на «тройки», а то и «двойки» скатится!

Однажды, выйдя во двор погулять, Гаврил увидел Офелию. Была уже зима, и она, расчистив скамейку от снега, сидела на ней, точно дожидалась кого-то. Грохов набрался решимости и напрямиком направился к ней.

– Привет! – сказал он.

Захлопав ресницами, на которые, плавно кружась, оседали белые хлопья снега, она посмотрела на него так, как будто бы все шло своим чередом, и за последнее время ничего особенного, вообще, и между ними, в частности, не случилось. Они, как и раньше, встречались каждый день, чтобы вместе выполнить уроки.

– Ну, умник!.. Что? Много пятерок нахватал? – вместо ответного приветствия спросила вдруг Офелия.

– Сама догадайся! – не растерялся Гаврил. – А ты, сколько по арифметике «трояков» схлопотала? А то, может, и того хуже...

– Ой, не могу, умник! Ты меня рассмешил!

– Это – чем же? Примеры-то и задачи тебе всегда были не по зубам! Я это лучше, чем кто-нибудь другой знаю!

– Хочешь сказать, что кроме тебя мне теперь и помочь некому? Так, что ли?

– А, как же – еще?

– Много ты о себе мнишь, умник! Есть кое-кто, кому ты и в подметки не годишься!

– Неужели? Так, он в вашем классе учится?

– Нет, не в нашем!

– Тогда, кто – это? Я его знаю?

– И – очень хорошо!

Сунув ручонку под шапку-ушанку, Гаврил задумчиво почесал затылок.

– Понятия не имею, о ком ты говоришь! – наконец, честно признался Грохов.

– А вот и он идет! Легок на помине! – в восторге воскликнула Офелия и показала рукой за спину Гаврила.

Обернувшись, к своему полному разочарованию он увидел Витьку.

16

В кафе стоял легкий полумрак, но это не помешало Грохову, как следует, рассмотреть все его достопримечательности. Конечно же, перво-наперво его внимание привлекла ярко освещенная круглая сцена с шестом посередине. Она располагалась в самом центре зала, точно полуостров, далеко простираясь в глубь залива, и соединялась с берегом тонким перешейком. Пока что, сцена была пуста. Близко к ней теснились столики, за которыми распивали спиртное, не забывая про всевозможные и, на первый взгляд, довольно прилично сервированные блюда, гости заведения.

– Скоро начнется! – заговорщически сообщила Анжела.

– Что начнется? – не совсем понял Грохов.

– Представление!

И с усмешкой глядя на озадаченное выражение лица своего спутника, она спросила:

– Ты – что, с НЛО случайно выпал, когда с марсианами на Альфа Центавру курс держал, дядя?

– Я? – совсем растерялся Гаврил.

– А – что, кроме нас с тобой за нашим столиком есть еще кто-то?

И Анжела стала нарочито зыркать по сторонам, как будто и впрямь искала кого-то.

– Может, он под стол залез, а я и не заметила? – съязвила она, и, отдернув край скатерти, заглянула под стол.

Грохов на мгновение вспыхнул до корней волос. При этом складки возле его рта обозначились резче.

– Ты дурочку-то из себя не строй и из меня дурака не делай!

– Ну, что ты, дядя! Это я так, косточки размять!

– То-то! А то: с НЛО выпал! Разве, по мне не видно, что я на Тунгусском метеорите из другой Галактики прилетел!

Даже в полумраке Грохов отчетливо различил, как голубые глаза Анжелы сделались темно-синими.

– Может, ты перестанешь сидеть, как на собственных именинах! Вина нам нальешь! Или у вас там, у пришельцев, за девушками не принято ухаживать?

Видимо, понимая, что спорить с чересчур избалованной вниманием на редкость состоятельных родителей, вечно потакающих ее капризам, и, к тому же, вздорной девчонкой было бесполезно, Грохов достал из ведерка со льдом бутылку дорого вина. Он решил, что, раз его бесплатно угощают, так уж лучше и впрямь повеселиться на славу, а не затевать конфликты с этой весьма опасной кошечкой. Что, если и, в самом деле, Тумский, не долго думая, однажды аккуратно выставит его за порог шахты. Возмущенный Грохов, конечно же, спросит его: «За что?» А Тумский ему также коротко и ясно рубанет с плеча: «За все!» И на этом и, в самом деле, все разом закончится. Где тогда Гаврилу искать новую работу? Куда податься? На других шахтах никто не ждал его с распростертыми объятиями. И должность начальника участка загодя ему не приготовил... На всякий случай! Вдруг и впрямь уволят!.. У работодателя-то всегда больше прав, чем у подчиненного! Потому, что денег – больше. Мысленно представив себе подобную картину, Грохов дурачки улыбнулся.

– Ну, вот! Это – другой разговор! – заметив улыбку Грохова, и, истолковав ее на свой лад, сказала Анжела. – А то, сидишь смурее тучи. Тоже мне – ухажер! Не забывай, для чего мы сюда пришли! Я хочу, чтобы ты остался доволен нашим славным походом против серости и скуки нашего бессмысленного бытия!

– Чего, чего?

Гаврил снова наполнил бокалы очень ароматным и терпким вином.

– Ну, скажи, что хорошего ты видел в своей жизни?

В это время на ярко освещенную сцену под дружные аплодисменты и возгласы хмельной публики вышли полуобнаженные девицы. Проследовав по ней гуськом, они, также, как и появились, вскоре исчезли из поля зрения тех, кто, сидя за столиками, пялился на них во все глаза, кроме одной. Взявшись рукой за шест, она вот-вот должна была начать танец...

– Что нравится? Сознайся! Класс, да?

Но очередной вопрос Анжелы, как и предыдущий, был, скорее, риторическим. Бутылка вина уже заканчивалась, а холодная закуска оставалась совсем нетронутой, когда Анжела сделала знак официанту.

– Неси еще два флакона такого же пойла!

Официант скоро выполнил просьбу Анжелы.

– Ого! Хорошо сидим! – то ли иронизируя, то ли всерьез сказал Грохов, откупоривая новую бутылку.

Он был уже слегка под хмельком.

– Ну, как тебе – винцо?

– Как говорят, задарма и хрен – горчица!

– Любишь, дядя, холявку?

– Кто ж, ее не любит, если – не в особенный ущерб холявкодателю, – рассмеялся Грохов.

– В ущерб или нет, с меня причитается!

– Опять ты – за свое! – к слову, заметил Гаврил.

– Опять! А ты, если собственной жизнью не дорожишь, то хотя бы о тех, кому ты хоть немного дорог подумал!

– Что-то, ты – слишком заботливая!

– Это тебе так кажется потому, что, как видно, в случае чего, о тебе особенно печалится некому будет!

– С чего это, ты так решила?

– С того, что на твоём пиджаке верхняя пуговица на чем-то склизком болтается!.. Если, пришить некому, значит, ты и впрямь не женат...

– Мм... – неуверенно промычал Грохов, не зная, стоило ли ему откровенничать с девицей, которую он видел во второй раз в жизни.

Но, окунувшись в омут Анжелиных глаз, продолжил:

– До недавнего времени был женат!..

– И – что, жене ни разу не изменил?

– А, к чему – такие вопросы? – подозрительно спросил Грохов. – Разве, тебе это – не все равно?

– Ты не это хотел сказать! – перебила его Анжела.

– Может быть! Я уже не помню, что я хотел, а чего нет!..

Грохов снова начинал сердиться.

– Я тебе нравлюсь?

Сделав серьезное лицо, Гаврил отрицательно покачал головой.

– Ты не можешь мне нравиться или не нравиться! Ты – для меня, вообще – непонятно что! То есть, кто! Заташила меня, черт знает куда! И сама, видать, здесь – частый гость. Вышибала и официант, вон как под тебя прогибаются! Не я – твой папаша, а то б подол задрал, да ремнем по заднице...

– Ты это – серьезно?

– Еще как!

– А тогда, зачем ты со мной пошел?

Кусок ветчины едва не застрял в горле Грохова. Прекратив жевать, он пристально посмотрел на Анжелу. Она то ли всерьез, то ли в шутку погрозила ему пальчиком.

– Закусывай, дядя, а то захмелеешь...

Налив полный бокал вина Гаврилу, а потом – себе, Анжела залпом выпила все до капли. Вновь поманив к себе официанта, она что-то шепнула ему на ухо. Он, согласно кивнув, куда-то удалился.

Музыка, что до сих пор была не отягощавшим слух излишними децибелами и потому довольно приятным шумовым фоном, под который вели свою неторопливую беседу Анжела и Грохов, зазвучала громче. Глядя на сцену, на которой, словно змеи подле шеста, одна за другой, не считая коротких перерывов, по очереди извивались телки с соблазнительными формами, они молча созерцали шоу. Грохов – с тупым удивлением, поскольку вживую видел подобное в первый раз, Анжела – с интригующей улыбкой, которая могла означать бог весть что.

– А хочешь, я для тебя станцую?

Достаточно хмельной, Грохов, видимо, до конца не понимая, что имела в виду девушка, с некоторой настороженностью и даже испугом вытаращился на нее.

– Ну, нет, только – не это!

Он сделал протестующий жест рукой.

– И – вообще, кажется, пора закругляться! Хорошего – помаленьку!..

– Я – быстро! – сказала Анжела.

Грохов не успел и рта раскрыть, как она растворилась в полумраке кафе.

– Вот, егоза!

Гаврил в досаде из-за совсем некстати разобравшего его хмеля и невеселых мыслей, и, вероятно для того, чтобы хоть немного придти в чувство, обхватил голову обеими руками. Угораздило ж его в такое вляпаться! Да, как он мог пойти на поводу у еще совсем молоденькой идиотки? Как? А что, если кто-нибудь из ребят на шахте об этом пронюхает? Его ж засмеют! Грохов в стриптизбаре оттягивался по полной программе. И – с кем! А, если еще кое-кому все станет известно?..

В это время зазвучала новая мелодия, и, мельком глянув на сцену, Грохов увидел Анжелу в стренгах и в лифчике. На миг ему стало не по себе, и он машинально отвернулся. Затем, немного осмелев, посмотрел снова. Анжела была удивительно хороша! Так хороша, что на секунду он позабыл обо всех своих страхах и сомнениях. Ее маленькие совсем детские плечи, тонкая талия... Плавно раскачивая бедрами в такт мелодии, она подошла к краю сцены. В этот момент какой-то пьяный мужлан схватил ее за ногу и потянул на себя. Девушка, потеряв равновесие, прямо с освещенной сцены с криком провалилась в полумрак зала. Тотчас послышались шум падающих предметов, звон битой посуды и ужасная ругань. Вскочив из-за стола, Грохов кинулся в самую гущу событий...

– Ну, вот, дядя! Мы и порезвились! – сказала Анжела, когда они уже сидели в машине. – Неплохо все получилось, да?

«Лексус», рыкнул и, рванув с места, нырнул в непроглядную ночь пустынного города.

На следующий день, Грохов сидел на наряде в темных очках.

– Ну, ты, Михалыч, сегодня прямо, как Джеймс Бонд! – не удержавшись, как всегда, пытался острить Ляхов.

Горнякам и, в самом деле, непривычно было лицезреть Грохова подобном виде. С модным аксессуаром на носу, скрывавшим почти треть его лица. Это создавало некоторое неудобство при общении. Когда начальник и подчиненные смотрели друг другу в глаза, между ними было гораздо больше взаимопонимания, поскольку контакт был более плотным. Лишенным каких-либо барьеров в виде непрозрачных стекол. Тем не менее, в том, что Грохов нацепил на себя темные очки, был и положительный момент. В этом крылась какая-то особенная, и даже приятная, новизна. «Может, пофраериться решил начальник, или еще – что?» – затаив беззловонную усмешку во взорах, про себя думали горняки. Возможно, подобное, как они считали, чуда-

чество шефа, сперва и привело их в некоторое замешательство, давая столь желанную пищу для посторонних размышлений, до самого окончания наряда... Ведь шахтерская жизнь, как накатанная колея, весьма однообразна. Но Грохов вовремя направил мысли горняков в нужное русло.

– Дались тебе, Вова мои очки! Ты бы лучше подумал, как перед новым директором в грязь сопельником не ударить да уголька поболее отгрузить!

– Отгрузим, Михалыч! Никуда не денемся! – согласно кивнул Ляхов. – Только ты, сегодня и впрямь, какой-то не такой! Даже голос у тебя хрипит, как у радио, когда оно нужную волну никак поймать не может. Простыл, что ли?.. Или на нервной почве – хандра?.. Так, ты зря не расстраивайся, мы тоже переживаем...

И, понизив голос почти до шепота, и, приставив ладонь ко рту, он продолжил:

– ... Что шахту могут прикрыть!

– Что? Что ты сказал?! Да, я тебя ...! Я тебя скорей с участка вышвырну, если выработку свою сейчас же не забудешь! – неожиданно взорвался Грохов.

– Это, ты – зря, Михалыч! Если я с шахты уволюсь, то ее точно закроют! – спокойно заметил Ляхов, уже выходя с участка. – Кадры, вроде меня, это, тебе, не куски породы. Ими не бросаются...

– Ага, бросил бы да, боюсь, промажу! – вдогонку ему рявкнул Грохов.

17

Татьянке исполнился год, когда у молодоженов начались первые семейные трения и даже ссоры. А, все – из-за того, что однажды к родителям Алены в гости, а, заодно, и родных сетрёнок навесить, еще одна из которых проживала буквально в двух кварталах от отчего дому, из другого города приехала старшая дочь. Звали ее Уля. Это была довольно полная меланхолическая и очень чувствительная особа. После знакомства, а потом и короткого общения с ней, Гаврил так и не понял, замуж, в свое время, она вышла или сожительствовала с мужчиной. Но, по ее словам, отношения у них были довольно ровные. Лишенные особенной страсти и, тем более, ревности. Именно этим Уля объясняла, что супруг не цепляется за ее юбку, как репей, и она чувствует себя в подобных отношениях совершенно свободно. И того же своей сестре желает. Мол, нервы беречь надо. А этого в супружеской жизни можно достичь, если только муж и жена будут уважать друг друга. Любовь – это все выдумки. Сказка.

Улю нельзя было назвать ни красавицей, ни даже просто симпатичной молодой женщиной. Больше всего к ней подходило слово «обыкновенная». То есть, абсолютно ничем не примечательная. «Наверное, поэтому у ней и жизнь, и жизненная философия, что называется, никакая», – подумал про себя Гаврил.

Вместе с Улей приехала ее малолетняя дочурка. Они занимались тем, что гостили, то у родителей, то у другой сестры Алены, которая также была старше ее на три года. Имела мужа и двух детей. Иными словами ели, пили, спали. Без конца сорили кожурой от семечек и болтали о том, сем без умолка. Однажды, Гаврил и Алена остались в квартире наедине. Еще с утра он заметил, что его благоверная, то и дело, раздражалась по пустякам. Наверно, поэтому, за что бы она ни взялась, все у ней из рук валилось. Она покрикивала на маленького ребенка, чтобы тот не капризничал. Затем принялась и за супруга.

– Опять на диване разлежся, Гаврик? А мусор из ведра выносить, кому прикажешь? А, грязную посуду, кто будет мыть? А – в магазин за хлебом?.. Обед готовить, снова – мне?.. Не слишком ли много на мою бедную голову забот свалилось, как ты считаешь?

И она в досаде со всего размаху хлопнула об пол тарелкой, которую, придя в зал из кухни, держала в руке. Тарелка разбилась на мелкие кусочки. В растерянности Гаврил аж подскочил с дивана.

– Аленка, да что – с тобой? Ты сегодня не с той ноги встала?

– А с какой надо? С правой или с левой? Или – со средней? Но это только ты можешь!

Гаврил наклонился и молча собрал осколки битого стекла.

– Уля правильно говорит! Мужа ты, говорит, Аленка, при твоей-то красоте и получше могла бы найти! С машиной. С квартирой. И ростом, чтоб повыше был! А твой, говорит, в шахте работает, а зарплата у него – смешная! Да и сам из себя ничего особенного не представляет. Дура, ты, говорит, дура! Будешь теперь всю жизнь с таким маяться.

После этих слов, Гаврил поначалу немного даже растерялся. А потом вскипел.

– Ах, вот, значит, в чем дело? Выходит, ты – красавица писаная, а я – урод!.. Ну, так еще не поздно расстаться! Ищи себе принца на белом коне, кто же – против? У твоей подлой сестрицы жизнь и вправду не сложилась! Вот она и завидует нашему счастью. От злости у нее все внутри переворачивается. Наверное, ночью спит и во сне зубами скрежет. Все думки у ней – об одном, как бы родной сестрице душу испоганить!

– Ты Ульяну не трожь! Лучше на себя в зеркало посмотри! Ни рожи, ни рогожи! А зарплату твоей даже на тормозки не хватает!

– Да, добычи, какой надо, нет уже третий месяц подряд! Я-то тут – причем!

– Углем, что ли, обеднели?

– Да, не углем, а план завышенный сверху спустили! Нереальный! Вот и не справляемся!

– А я тебе давно говорила, уходи с шахты! Там кроме грыжи ничего не заработаешь! Не говоря, уж, о собственном жилье! – видимо, руководствуясь чисто женской логикой, заключила Алена. – Что? Так до конца дней своих и будем на шее у моих предков сидеть?

– Так, ведь никто, как будто, не против!

– Это тебе они ничего не говорят! Потому, что ты для них – чужой...

– Ах, чужой? Раз, тебе – чужой, то им – и подавно! И вообще, идите вы все!..

И, наскоро одевшись, Гаврил пулей вылетел из квартиры, где, казалось бы, целый год он прожил с молодой супругой душа в душу. Ведь, до сих пор у них не было ни одной даже самой мелкой размолвки, а не то чтобы ссоры, не считая того нервного стресса Алены, который был вызван гибелью бригады Дилана. «Надо же, как иные люди в один миг могут испортить жизнь другим. И, если – не навсегда, то на довольно долгий отрезок времени», – не на шутку разгорячившись, думал Грохов. Он шагал, не разбирая пути, по заснеженным улицам города в направлении родительского дома. Видимо, не особенно-то он и нужен был Алене, и – ее предкам, тем более. Только родная мать, и отчасти отец могли понять его в такую минуту. Как-то успокоить. Хотя и для них его неожиданный приход, скорее всего, вряд ли будет в радость. Ведь на следующей неделе они собирались навестить внучку. А теперь, как видно, на какое-то время им придется это отложить.

По дороге в отчий дом Гаврил зашел в магазин и купил бутылку водки. Он решил, что с горя, как следует, напьется. И, хотя завтра с утра ему нужно было идти на работу, он теперь об этом ничуть не переживал. Как-нибудь перекантуется смену, а – там, видно будет. Хуже-то, все равно, уже некуда! В голове у него царил полный сумбур. Сердце тупо ныло от безысходности и так часто и неистово колотилось в груди, словно готово было вот-вот разорвать Грохова изнутри на части. И он хотел поскорее, хоть как-то, унять эту чудовищную боль. Боль душевных терзаний, которую, сама того не желая, Алена причинила ему. Потому, что терпеть ее не находилось никаких сил. Ощущение было такое, как будто бы из Гаврила вынули самое лучшее и самое светлое из всего того, что составляло его сущность. И, вываляв в грязи, бросили на всеобщее обозрение. Натя, мол, смотрите, как оно в действительности бывает!.. Любили два человека друг друга, а потом – хлоп, и в одночасье не стало этой самой любви. А вместо нее возникло нечто другое. Похожее на мрачное безжизненное пространство, какое бывает на планетах, не приспособленных для пребывания там людей. А, где нет жизни, там нет и всего того, что делает ее неповторимой. И, уж, тем более, любви! Для чего же люди так стремятся покорить космос, наивно полагая, что, если они не сумели обрести своего счастья на земле, то за ее пределами им это непременно удастся?

18

Слава богу, что хоть Горыныч на наряде не появился, а поручил его провести Грохову! Как бы не марафетился Гаврил с утра, сколько бы раз зубы не чистил, а, все одно, перегастром от него за версту разило. «Надо же, в первый раз в жизни так наклюкался! – с неудовольствием подумал он про себя. – Тоже – мне, мастер участка, называется!» Но как бы изошренно не костерил собственную персону Грохов, легче ему от этого ни на грош не становилось. Поэтому, плюнув заниматься самообразованием, он тотчас переключился на мысли о работе... Была не была!

В эту смену Грохову предстояло контролировать бригаду Остапенко. Хотя контролировать, сказано слишком громко. Точнее сказать, следить за тем, чтобы у горняков все ладилось. И, если что не так, от него требовалось вовремя известить об этом, кого следует. Так вот, Остапенко все звали не иначе как Остап. Так было проще. Да и сам Остапенко, как будто бы, не противился этому. Скорее, наоборот. Выше среднего роста. Богатырского сложения. Фуговал он в забое лопатой или махал кувалдой, Остап делал это так яростно, точно с невидимым врагом сражался.

– Ну, что, хлопцы, отремонтировали кружок¹²? Теперь погодить можно!

«Г» Остап выговаривал на украинский манер, поскольку родился и вырос в Донбассе. Там же работал на шахте, пока нелегкая не занесла его в Сибирь.

– Эх, щас бы сала, Остап! С паляницей¹³... А то, что-то в желудке урчит от голода! – не уставали горняки подтрунивать над своим бригадиром.

Вот и теперь, как видно, не удержавшись, один из них принялся докучать ему своим черным юмором. Черным потому, что это был юмор под землей. В шаге – от смерти.

– А горилки тебе не надо? – беззлобно отвечал Остап весельчаку.

– А – чо, есть?

– У меня все есть, но самому мало!

– Значит, не поделишься с напарником?

– Может, еще, чем с тобой поделиться?

– Ну, например?

– «Жигуль» мой... Тебе, случаем, не пригодится?

– Ну, если только с гаражом в придачу!

– А зарплату мою тебе на сберкнижку не надо перегнуть?

– Так, уж, тогда и из собственной квартиры выселяйся! У тебя ж, благоустроенная! А я в деревянном бараке живу!

– Вот потому ты там и живешь, что в башке у тебя вместо мозгов – печная зола!

– А ты откуда знаешь, Остап? Ты что, вовнутрь моей башки заглядывал?

– А зачем заглядывать, и так все понятно! Умный человек, разве, будет у хохла сало кланчить?... Это, все равно, что у золотого купола на солнце блеска просить!..

– Ну, Остап, с тобой спорить, что соломой кровлю крепить! – смеялись горняки, удивляясь мужицкой смекалке бригадира и его умению, никого особенно не обидев, все обратить в очередную шутку.

Хотя подобные разговоры, пускай и на разные лады постоянно происходили в бригаде Остапа, все же шахтеры прекрасно понимали, что шутка – шуткой, но всерьез бугра лучше

---

¹² Круг – крепежная конструкция, распорки из деревянных брусьев в забое, устанавливаемые для безопасности шахтеров. http://kuzbasshistory.narod.ru/book/Kr_Gorka/G_5/05_01.htm

¹³ Паляница – украинский хлеб из пшеничной муки, по форме – приплюснутый, округлый, как правило, с характерным «козырьком» из корки сверху, образованным благодаря надрезу перед выпечкой.

не злить. Может запросто турнуть из бригады или еще, того хуже, бока намять. Один только человек имелся в его бригаде, который мог ему противостоять. Это был лесогон¹⁴ Буроямов. Но при всем, том он являлся другом Остапа, который именно по этой причине никогда бы не пошел против него. Или же эта самая причина должна была быть очень веской, чтобы два закадычных друга, наконец, однажды всерьез поссорились.

В эту смену спустившись на квершлаг к лесогонам, Грохов сразу почувствовал неладное. Буроямов чересчур громко смеялся, что-то обсуждая с напарником.

– Короче, как заорет он, боров этот и прыг с копыт! А кровищи... Мама моя! Я нож в сторону бросил. И побрел, как во сне, сам не знаю, куда. А он продолжает биться в конвульсии и дико визжать. Но это – поначалу. А после – жалобно так. Пока не затих... Тут подкосило меня. Упал я на колени, когда очутился, сам не знаю, где. Лишь бы не видеть не подающей признаков жизни животины. Меня после этого, как давай полоскать! – говорил лесогон по фамилии Босяков. – Нет, думаю, борова резать на мясо – такая работа не для меня! Кое-как поднялся я на ноги. Огляделся кругом... Гляжу, посредине улицы стою! Примерно, за три дома от хаты, где живу. Побрел, шатаюсь, в нее. Как только порог переступил, в кухню опрометью кинулся. Самогонки стакан налил. Залпом шваркнул. Чую... Вроде бы полегчало.

– Не переживай, брат! Жизнь, она – такая штука. Подлая! – успокаивал горняка Буроямов. – Или ты – ее. Или она – тебя. Зато теперь с мясом всю зиму будешь! На жаркое-то пригласишь?

– А чо, Бурый! Айда ко мне после работы! Мяса отведаем!

– Оно комом-то у тебя на пути к желудку не встанет?

– Да, не должно! Мы ж желудочный тракт регулярно промывать будем для порядка!

– Хо-хо! Молодец, Босяк! В правильную сторону у тебя соображаловка работает...

– Ну, ты скажешь тоже – соображаловка! Ей пусть директор шахты пользуется...

– Правильно! А нам с тобой она нужна...

– Чтоб дым из ноздрей пускать! – высказал свое предположение Босяков. И, немного подумав, добавил. – И в потолок плевать, когда лесу в забое, завались!

– Не плюй в колодец, Босяк! – на сей раз, не согласился с напарником Буроямов. – Скажи лучше: «Природа так распорядилась!» Хотя я все время думаю, что в отношении некоторых из нас она совершила ошибку...

И Буроямов с опаской глянул на мрачно нависавший над ним каменный свод.

– ...которую может в любой момент исправить! Ха-ха!

– Кумекалку сплющит. А без нее не сориентируешься, откуда и куда наливать!

– Вот именно... Тут я с тобой, сто пудов, согласен!

– С ее стороны это и будет роковой ошибкой, а не то, что ты говоришь!

Завидев Грохова, горняки тут же перевели разговор в другое русло.

– Вот начальник наш идет! – торжественно провозгласил Буроямов.

– Не начальник, а мастер! – возразил ему Босяков.

– Дурень, ты! Это он – пока мастер. Горыныч-то – не вечный! После него вот он будет начальником!

И Буроямов указал черным от сажи пальцем на Грохова.

– Правильно я говорю, Гаврил?

Но Грохов ничего не ответил ему. Вместо этого он спросил:

– Мужики лес в забой спровадили?

– А то, как же! Не весь пока, правда... – начал было оправдываться Босяков.

И, хотя у самого Грохова голова раскалывалась, точно ее обручем сдавили, он явственно почувствовал, как от лесогонов разлило спиртным.

¹⁴ Лесогон – горнорабочий по доставке крепежного леса в забой. Прим. авт.

– Ты мне на вопрос не ответил, начальник!

Буроямов, который прежде подминал своей задницей толстый брус, вдруг медленно поднялся на ноги. Все на участке знали, что в недавнем прошлом он активно занимался спортом и был кандидатом в мастера... По боксу.

– А ну, присядь! Поговорим! – приказал Буроямов Грохову.

– А мне и так – неплохо! К тому же, я здесь командую...

– Ты?

– Я!

Было видно, как Буроямов заметно посмурил, и на его мощных скулах жевалки заходили под кожей.

– Или сядь, Грох, или я тебя вперед того леса, что нам с Босым кантануть в забой осталось, к Остапу вниз головой отправлю. И сверху вот этой хренью придавлю.

И он указал вначале на темное жерло трубопровода для спуска крепежного материала, а затем на длинные влажные от духоты и потому тяжелые брусья. Они лежали штабелем слева от него, почти касаясь кровли квершлага¹⁵. Сдерживая закипавший в его груди гнев, Гаврил благоразумно решил, что не стоило теперь же выяснять отношения с Буроямовым. Тем более, что у него не было никаких шансов одолеть горняка.

– Ну, хорошо! – согласился Гаврил. – О чем говорить будем?

– Вот это – другое дело! – осклабился Буроямов, обнажив щербатые зубы.

Видимо, хотя и был слегка не в себе, он понимал, что сдуру перегнул палку. Буроямов не хотел запугивать Грохова или давить на него. Тем более, что это ему могло выйти боком. Все получилось как-то само собой. И, если Горыныч узнает, про это «все», он церемониться с ним не станет.

– Пить будешь?

И Буроямов ловко выудил из-за бревна, на котором горняки сидели, чекушку самогонки.

– Да, ты спятил? – невольно вырвалось у Грохова.

– Что очко жим-жим? – усмехнулся лесогон. – Да не бойся, Остап нас за это Горынычу не сдаст. Свой кореш.

Не дожидаясь ответа от Грохова, Буроямов скрутил пробку с горлышка чекушки и сделал два больших глотка. Затем он передал пойло Босякову.

– Не а! – испуганно замотал тот головой. – Не буду!

Но его собутыльник так зыркнул на него, что Босяков тут же поправился.

– Вернее, только после того... Ну, если Михалыч...

– Михалыч! – передразнил его Буроямов. – Сопляки! И ты, и твой Михалыч.

Достав из кармана куртки смятую пачку сигарет, он небрежно сунул одну в рот. Не успел Грохов ему что-либо возразить, как он чиркнул о коробок спичкой и пыхнул дымом прямо в лицо Гаврилу.

– Ну, ты и ...!

Но от возмущения и страха при мысли о том, что могло произойти в любую минуту, слова, готовые слететь с языка Грохова, видимо, в последний момент вместе с ним прилипли к небу. Хитро улыбнувшись, Буроямов пыхнул дымом еще раз, и, театрально повернув ладонь свободной руки вверх, так, чтоб его товарищи могли хорошо видеть, что такое он вытворял, медленно вдавил в нее горящую головку сигареты. При этом он даже не поморщился.

– А ты так можешь, Грох? Или радикулит замучил? Сосунок ты, мастерилка!

---

¹⁵ Квершлаг – горизонтальная, реже наклонная, подземная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность и пройденная по вмещающим породам в крест простирания пласта полезного ископаемого. Квершлаг предназначается для вскрытия полезного ископаемого, транспортирования грузов (самоходным, рельсовым или конвейерным транспортом), а также для передвижения людей, вентиляции, стока воды и так далее.

Секунды две Гаврил стоял в нерешительности. Но последние слова Буроямова, больно царапнули его самолюбие. Выхватив чекушку из рук Босякова, он опорожнил ее залпом. Буроямов от удивления даже рот приоткрыл.

– Так, у нас еще одна имеется!

Но Грохова это как будто бы мало интересовало.

– Дай-ка палево, пару раз зобнуть!

Получив требуемое, он уже и сам не знал, что творит... Под прицелом внимательных глаз горняков Грохов сделал несколько затяжек. Когда кончик сигареты раскалился до красна, он заголил левое запястье. И странное дело, туша о него «бычий глаз», Гаврил почти не почувствовал боли...

19

Нет, на Булыгина Гаврил долго сердиться не мог. Во-первых, они с ним были соседи. А, значит, товарищи, поскольку каждый вечер перед сном очень тесно общались друг с другом. Вначале они выходили в общую коммунальную кухню и, сидя за столом, что-нибудь рисовали цветными карандашами на листках бумаги. Витек рисовал отлично. Он мог легко изобразить все. К примеру, в считанные минуты он нарисовал цветок, растущий у дороги. Причем эта дорога очень походила на ту, что пролегла сразу же за оградой, опоясывавшей их двор. Потом – целый букет цветов. Точь-в-точь такой, какой он подарил своей маме на прошлое Восьмое марта. Он также был неплохим портретистом. И в каком-либо из его портретов легко можно было узнать того или иного дворового мальчишку. Тем не менее, свое творчество он никому из них не показывал. То ли не любил хвастать, поскольку это не доставляло ему никакого удовольствия, то ли по иной причине. А, возможно, этому претила его на редкость скрытая натура. Никогда Гаврил не мог догадаться, что на самом деле думает о нем Витек? Как он к нему относится: хорошо или плохо? Общается с ним потому, что чувствует в этом потребность своей души или, просто, скуки ради? Так или иначе, но Булыгин всегда располагал к себе сверстников. В том числе и Гаврила. Это являлось второй причиной, по которой, не смотря на то, что Грохов ревновал Витька к Офелии, отношения между ними оставались довольно ровные и уважительные. Да и ревность ли это была? Кто его знает?

Кроме таланта к рисованию, как впрочем, и ко многому другому, Булыгин имел склонность к коллекционированию. Он собирал марки. Глядя на него, постепенно к этому занятию не на шутку пристрастился и Гаврил. Почти каждый день после окончания уроков в школе они вдвоем бегали в магазин для филателистов и на витрине под стеклом внимательно и с большим интересом разглядывали марки. И те, что лежали до сих пор не купленными, считая со дня их прошлого посещения торговой лавки, а то и раньше, поскольку стоили довольно дорого, а, возможно, по иной причине, и новые, которые только поступили в продажу. И, все-таки несмотря на цену, если какие-либо марки особенно заинтересовывали Булыгина, он непременно покупал их. Деньги на это у него почти всегда находились. Но, когда их недоставало, он легко изыскивал способ восполнить эту нехватку. Способ был простой и безотказный. Рядом с магазином для филателистов, в том же здании, немного правее, буквально за стеной, располагалась бытовая мастерская. Вход в нее с улицы имелся отдельный. В ней работал отец Булыгина. Звали его Гордей Силантьевич. Он был настоящий умелец. Как говорят, на все руки мастак. Чего он только не делал в этой мастерской, начиная от изготовления ключей для дома, и заканчивая заточкой ледовых коньков на обыкновенном электрическом наждаке. А поскольку напротив бытовой мастерской, точнее метрах в двухстах от нее, располагался большой спортивный комплекс сразу с несколькими ледовыми площадками и прочими сооружениями для занятий физкультурой и спортом, клиентов у старшего Булыгина не убывало. Кстати, Витек чисто внешне очень походил на своего предка. У того был умный и оценивающий взгляд серых глаз. Когда он улыбался, образовывались глубокие и очень даже симпатичные ямочки на его щеках. От этого улыбка получалась озорной, удивительно добродушной и в то же время снисходительной. Все бы хорошо, но Булыгин старший имел увечье. Он ужасно хромал на одну ногу, так как она не сгибалась в колене да и вообще слегка волочилась при ходьбе. Поэтому папаша Булыгина пользовался костылем. Витек говорил, что калеккой его сделала война. Осколок разорвавшегося снаряда угодил ему прямо в ногу. А когда он попал во фронтальной госпиталь, ногу ему едва не ампутировали.

И все же старший Булыгин не всегда особенно поощрял увлечение своего сына марками. Той наличности, которую он выкраивал для себя втихаря от начальства, все равно, было очень мало. Ведь, как правило, почти всю выручку он сдавал в кассу. А, если, на свой страх и риск,

порой брал из нее еще какую-то часть денег, кроме тех, что успел припрятать, все это потом приходилось возмещать из собственного кармана. Если не полностью, то процентов на восемьдесят, точно. Начальство не раз предупреждало его, что, мол, еще одна недостача, и он может всегда распрощаться со своей работой... Мало того, что убогий! Да, с волчьим билетом в кармане, в придачу, кому он потом будет нужен?! Такая перспектива не устраивала хромоного калеку. К тому же, нога у него часто ныла. Это ужасно мешало ему и в быту, и на работе. Мысль о собственной неполноценности, как только он всерьез заикливался на ней, буквально выводила его из себя. В это время, точно ненормальный, он готов был кинуться на кого угодно, чтобы сломать ему костью хребет. В такие моменты он на себя самого не походил! И тогда, буквально все буквально валилось у него из рук. Как ни крути, кусок хлеба доставался ему нелегко. Из-за этого старший Булыгин частенько напивался. Конечно, не так, чтоб уж слишком! Надо ж было с работы еще благополучно дохромать до дому, который располагался примерно в полукилометре от бытовой мастерской. Зная, склонность своего отца к выпивке, Витек довольно часто заставлял его на рабочем месте в приподнятом настроении. То есть, слегка под мухой. Время от времени, но так, чтобы это не мешало работе, прилобуниваясь к бутылке, родитель не скупился на деньги для сына. Махнув на все рукой, и, достав из кармана, он вываливал ему в горсти серебряные монетки вперемешку с медяшками... Получив требуемое, иногда – с гаком, а, иной раз, свосем наоборот, и, пулей вылетев из бытовой мастерской, Витек, как бы не спешил в филателию, до того, как рука его касалась заветной двери, успевал пересчитать деньги. Если наличности все же не доставало на пакетик с марками, он тут же менял курс на противоположный. Примерно в пяти минутах ходьбы от торговой лавки «Союзпечати», где их продавали, в соседней кирпичной пятиэтажке, также, как и прочие – в одном бесконечном ряду с ней, примыкавшей к основной городской автомагистрали, одновременно находились отделение милиции и медвытрезвитель. Два этих смежных заведения также имели собственный вход с улицы, каждое. Правда, в ментовку, которая занимала первый этаж, само собой разумеется, двери располагались прямо по центру парадной части здания, а в медвытрезвитель, обосновавшийся этажом ниже, то есть, в подвале, доступ был со двора. Видимо, они сообщались между собой изнутри при помощи служебной двери и лестничных ступенек. Гаврил пришел к такому выводу потому, что Витек, посещая мать на ее работе, всякий раз пользовался разными входами. И, если, по каким-либо причинам, через один из них он не мог попасть, то, в этот случае, пользовался другим. Как правило, Грохов ждал Булыгина на улице. Но раз или два тот приглашал его пройти вместе с ним. Однажды, распахнув дверь, над которой висела вывеска «Медвытрезвитель», они зашли вовнутрь здания. Пройдя по узкому коридору, оказались в довольно просторной комнате. К его стенам были приставлены широкие деревянные скамейки, на которые, видимо, клали или усаживали пьяных. В самом углу, слева от окна стоял металлический сейф. Немного правее – стол. За столом, на котором были в отдельную кучу свалены бумажные деньги, в другую – монеты, сидела немолодая женщина в форме. Это и была родительница Витька... Величали ее Карлиной Авдотьевной... Небольшого роста, с очень умным и немного насмешливым взглядом зелено-карих глаз, всегда плотно сжатыми и тонкими язвительными губами служительница правопорядка, казалось, даже, когда что-то говорила, то почти не разжимала рта... При этом речь ее была довольно сдержанной и лаконичной, но вполне доходчивой и убедительной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.